

The illustration depicts a young man with dark, wavy hair, wearing a light-colored long-sleeved shirt, blue jeans, and white sneakers. He is floating or falling in a dark, industrial-looking space, possibly a tunnel or a large pipe. His arms are outstretched, and his legs are bent. The walls of the tunnel are dark blue and black, with red metal scaffolding or ladders visible on the sides. At the top of the tunnel, there is a bright, circular opening that looks like a skylight or a large vent, with a white, brush-stroke-like border. The overall style is painterly and dramatic.

60-й ГОРИЗОНТ

Егор Гладков

Гладков Егор
60-й горизонт

«Автор»

2026

Егор Г.

60-й горизонт / Г. Егор — «Автор», 2026

Что такое горизонт? Трое студентов с ужасом узнают, что это не только граница неба и земли... Вместо увлекательной прогулки судьба обрекла друзей на настоящее испытание: пошатнула устои, призвала к находчивости, а кроме всего присыпала тоннами — многими тысячами тонн! — горной породы в заброшенном на отшибе руднике. Чтобы уцелеть, мало освоиться с «терминологией». Важно устоять под тяжестью разногласий, притаившихся в темноте страхов, а главное — не растерять человечность в борьбе за жизнь.

© Егор Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Добрые друзья	5
Глава II. На память потомкам!	13
Глава III. Под уклон	18
Глава IV. Дрожь земли	24
Глава V. Попробуй её разбери	25
Глава VI. Векторное сложение	28
Глава VII. Такт и ещё раз такт!	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Гладков Егор

60-й горизонт

Глава I. Добрые друзья

Упомнишь ли того горожанина, который изо дня в день, словно по расписанию, первым встречает рассвет? Суетливый ли, сонный, но непременно утомлённый уже с раннего утра народ спешит завесить шторы и всё чаще щурится в лицо нового дня, чем бодрится его тёплым, необычайно ласковым светом. Однако – и это совершенно точно – всякий, даже самый захолустный городок может похвастаться не одним, не двумя, а целой плеядой влюблённых в романтику восходов, закатов, чарующей пересменки вечных светил. Стекланные небоскрёбы, крыши высоток и золочёные маковки церквей с завидным упрямством приветствуют зарю над разомлевшими в сладкой неге городами, затерянными в лесах сёлами и разбросанными вдоль речушек деревнями.

Не стал исключением и Межозёрск – очередной крохотный городишко нашей необъятной родины. В прошлом крупный промышленный центр, он улыбался всякой деннице десятком заводских труб, стройными, точно грациозные цапли, кранами и длинными, покосыми тенями верениц цехов. Вечно занятой, но очень скромный труженик всегда славился рабочим людом и тремя предприятиями: гремящим тысячью станков агрегатным заводом, медным рудником¹ да бюро разработки техники при нём.

Полвека назад едва ли не в каждой шахте слышались отголоски их кооперации. Рокот моторов, лязг гусениц и вой гигантов подземелья, выходцев самого юного из тройки производств, на весь союз славили конструкторское бюро техники и шахтных инноваций – КБ ТиШИ. Устроиться, как выражались местные, в «тишь» – было невероятной удачей для всякого специалиста. Кто откажется проектировать уникальные тягачи, единственные в своём роде самосвалы или иные невиданные машины в выбеленном, полном новеньких кульманов² зале?! Поэтому уютный городок объединял лучшие умы не только близлежащей агломерации, но и целого региона, и даже соседних республик.

Впрочем, ни инновации, ни масштаб не спасли градообразующие предприятия: упадок девяностых безжалостно прокатился по заводам, по городу, по людям. Дружные соседи, не жалевшие молодость и силы ради милого сердцу уголка, стремительно делились на два лагеря – тех, кто уже отважился перебраться в столицу, и тех, кто переезд откладывал. Последние, в свою очередь, находили бессчётное количество причин терпеть захудалое, по существу, бедственное положение: кто-то, испугавшись перемен, изо всех сил цеплялся за нажитое в прошлом, кто-то не мог оставить родственников, а кто-то жил по принципу «где родился, там и пригодился». Что же до учёной поросли, то обеспеченная её часть штурмовала вузы крупных городов, тогда как остальные надеялись отыскать себя после МТУ.

Не разберёшь, волею ли судеб или безотлагательными наставлениями, но завсегдтай-отличница, гордость класса и школы Машенька Скворцова не заметила, как оказалась сперва абитуриенткой, а после прилежной студенткой того самого Межозёрского технического университета – единственного заведения в городе, где можно было получить какое-никакое, но всё-таки высшее образование. «Вот на что им эта Москва сдалась-то?! Мёдом, что ли, намазана? – как заведённая вопрошала Анастасия Ивановна, мама Маши. – А у нас и баллы про-

¹ Рудник – горнопромышленное предприятие по добыче полезных ископаемых.

² Кульман – чертёжный прибор, обеспечивающий возможность проведения прямых линий под любыми углами в плоскости чертёжной доски.

ходные ниже, и ты под присмотром будешь. Уж двадцать лет другой страной живём, а они всё бегут, добежать не могут! Клад там какой спрятан, или здесь чего не хватает? Ладно, молодёжь... Нет, и стар, и млад всё туда же! Вон тебе и лес, и река, и работа мал по малу, – женщина трижды стукнула по кухонному столу, – живи не хочу! Кстати, дочь, там вчера в новостях показывали...» – за чем привычно следовал утомительный рассказ иногда об ужасах, иногда о соблазнах мегаполиса.

За полные сорок восемь лет родным пенатам старшая Скворцова изменила лишь дважды: в юности – на стройку, да по путёвке в Евпаторию. За остальным её родной город наблюдал воочию: школа, техникум, первая любовь... и, разумеется, рождение Машеньки, сразу после свадьбы! Вехи пролетали так скоро, точно кто-то сметливый ураганом пролистал фотоальбом всей её жизни, из которого запомнились лишь несколько ярчайших кадров. Словом, ни тогда, ни теперь о переезде речи не шло. В конце концов, тут похоронены её родители, муж Николай, уж кто, как не она, за ними присмотрит? Подновить покосившуюся ограду, стрести опавшие листья, нарядить им крохотную ёлочку на Новый год – всё ведь без присмотра пропадёт, всему человек нужен.

Другое дело Машенька – единственная отрада своей матери. И хотя желали девушке исключительно лучшего – жизнь положили на её воспитание, работали без устали и всё ради достойного будущего, – а всё же спокойнее, когда она рядом. «Сама вижу, тесно ей, – говорила Анастасия Ивановна подругам. – Бывает, гляну, только и разговоров что о Москве да о лучшей жизни. Оно, может, правильно, всё-таки другое поколение... Ну ничего, пусть сперва выучится, шишек набьёт, – мы-то тоже сколько всего перетерпели? – тогда пусть решает, слова поперёк не скажу. А передумает остаться, то я её на комбинат посоветую. Чтоб тридцать лет предприятию отдать, да ребёнка не пристроить?! Эх, тридцать лет! Подумать страшно, как время летит...»

Межозёрский горнорудный комбинат, или по-простому «рудник», некогда слыл первым по величине добычи медной руды в регионе и обеспечивал несколько тысяч рабочих мест. Именно здесь конструкторы-теоретики щеголеватого КБ тестировали на прочность и проводили заводские испытания самой современной шахтной техники. Именно сюда перемены «нового» времени пришли столь неожиданно, негаданно и больно.

Шутка ли, передать достояние целого народа зарвавшемуся частнику, хоть бы и в ладном, импортном пиджаке? Без собственных наработок, зато с закромами полезных ископаемых, меднодобывающий колосс до поры исправно обеспечивал братию в управлении. Горемиллионеры не отказывали себе ни в чём, даже когда соседи сокращали рабочий день, а затем и поголовье ценных специалистов. Впрочем, ничто не вечно.

Вскоре выяснилось, что обогатиться без вложений решительно не на чем, и «толковые управленцы» с их постоянными реформами принялись меняться едва ли не чаще погоды за окном: так не закончит один выкручивать лампочки для сокращения издержек, другой уже экономит на питьевой воде. Благо в последние несколько лет наметилась положительная тенденция – открылась вторая площадка, производство увеличивало масштабы, а газетные статьи бойко рапортовали то о невиданной прибыли, то о привлечении инвесторов.

В сложившемся положении, гарантию светлого будущего – пусть даже для отдельно взятого лица – всякий человек старой формации видел сугубо в высшем образовании. И хотя Мария Николаевна не разделяла маменькиных восторгов, родительнице она не перечила, а только научала друга Колю:

– Скажешь тоже, ненужная бумажка! Что переоценённая – очень может быть. Потом от человека зависит: с пользой он эти пять лет провёл или баклуши бил, амбициозный ты или по течению плывёшь. За диплом, естественно, не платят, но, на секундочку, это лишь первый пункт моего плана! Так сказать, стартовая ступень.

– Огласите весь список, пожалуйста! Помнишь, как в фильме?

– Потом Москва, неустанный труд и, наконец, тебя на работу найму. Заместителем моим пойдёшь?

Добрые друзья понимали друг друга с полуслова, могли часами беседовать ни о чём, а теперь, на последнем курсе, всё чаще упивались мечтами о светлом будущем.

– Звучит заманчиво. Надеюсь, давнее знакомство сулит какие-то преференции? Например, понедельник – короткий день? Эх, было бы дело отменить их как класс! На худой конец, ввести послабление, чтобы люди отоспались после выходных, а то что это... – парень зевнул. Обыкновенно серьёзный, он казался тем строже в своей тираде, что рабочая неделя начиналась именно сегодня, причём с первой пары по расписанию.

– Своё дело лени не терпит, как раз наоборот: пахать придётся за двоих. Вернее, за четверых, если ты, конечно, согласишься, – аудитория залилась звонким девичьим смехом. – А пока «своё» выдумая да создам, тут-то мне диплом и пригодится. Устроюсь куда-нибудь, жильё сниму.

Вдруг, точно пробудившись ото сна, Коля приподнял заспанное, но по-прежнему миловидное лицо над партой и громогласно отрезал: «Раньше нужно было устраиваться. После инженерного факультета путь один – на завод!» – после чего, подболевшись удобнее, снова провалился в забытие.

Девушка лишь беззаботно отмахнулась от замшелой³ байки. Супротив репутации мрачных застенков, «завод», как культурное явление, навевал на Машу тёплые, в некотором роде ностальгические чувства: когда она была ещё совсем крохой, отец не раз брал её на испытания самосвалов, машин для персонала, тракторов. Бескрайние ряды выстроенной, как на парад, техники до глубины души поразили впечатлительного ребёнка! Неужто ошестившийся сталью гигант, одно колесо которого в разы больше тебя, оставит кого-то равнодушным? Разве может похожий на диковинного зверя агрегат исчезнуть из детской памяти? «Такого на дороге не встретишь», – усаживая Машеньку на колени, объяснял отец. «Всю свою жизнь они проводят под землёй и приносят людям очень много пользы. Смотри, – папа указал в сторону примерно длинного УАЗа. – Правда на гусеницу похож?» Машина с парой вагончиков действительно походила на странное, но тем не менее дружелюбное насекомое. «Это чудо будет возить шахтёров, чтобы им стало чуточку легче трудиться. А теперь угадай, сколько весит вот эта машина? – он заговорил о погрузчике под ними. – Двенадцать тонн! Представляешь?! Это как два или даже три слона! Помнишь, мы про них читали?» – родитель затащил бойкую песенку про великанов саванны, и чадо расхохоталось вне себя от счастья.

Таким он ей и запомнился – умным, весёлым и очень добрым. Будучи инженером-испытателем в «тиши», глава семейства не расставался с работой даже по возвращении домой; усаживаясь с дочуркой за кухонным столом и корпят на пару: кто над чертежами да технической литературой, а кто над раскраской или пёстрой хрестоматией. Точность, скрупулёзность, в конце концов, охота до точных наук привились девчужке если не самой судьбой, то живым примером со стула напротив. Привилось бы ещё многое, когда бы не случайность, что семилетнюю Машеньку лишила отца, а красавицу жену обозвала безутешной вдовой.

Поредевшее, опустошённое семейство приспособлялось к новой жизни в новом тысячелетии. Тяжелее остальных пришлось Анастасии Ивановне: забота о хозяйстве, бесконечные работа и подработки – ради семьи женщина позабыла об отдыхе и появлялась дома в лучшем случае поздним вечером, а то и вовсе далеко за полночь.

Тем временем Маша совершенно вынужденно, притом в гордом одиночестве, знакомилась со взрослой жизнью. Сперва она безумно скучала, подолгу дожидалась возвращения мамы, не могла уснуть и вздрагивала от каждого шороха в темноте. Однако вскоре сообразительный ребёнок научился завсегда занимать себя разными полезностями: первоклашка не

³ Замшелый – устаревший, старый; закоренелый.

по годам хорошо готовила, бегло читала, проявляла удивительную сознательность, а к десяти твёрдо решила избавить маму от всякой нужды. Начала с малого – сперва помогала в уборке и заботилась об ужине, затем взялась за учёбу и увлеклась самостоятельностью. Квинтэссенцией «инициатив» стало не совсем приятное, зато невероятно смешное происшествие: на очередном родительском собрании отличницу больше получаса распекали на все тона за «н-н-невиданное, в-в-вопиющее» нахальство! «К-к-как, ну скажите, как можно до такого д-д-додуматься?! – от чрезмерного волнения завуч раскраснелась и заикалась едва ли не через слово. – Со звонком нестись в б-б-буфет, чтобы потом п-п-продать место в очереди! А если бы м-м-мы не пресекли?! Это в-в-вопиюще...» – с тех пор усилия юной коммерсантки ограничивались прилежной учёбой и непрекословным послушанием.

Поступление на бюджет в МТУ Маша радостно восприняла, пусть и не материальным, но первым значимым вкладом к благосостоянию семьи. Теперь, по научению заведующего кафедрой, золотая медалистка так же рьяно стремилась к красному диплому, как прежде – в ароматный, манящий выпечкой буфет. «Не стану инженером, – рассуждала девушка, – хотя бы обзаведусь конкурентными преимуществами. Кого скорее на работу возьмут – выпускницу при корочке с отличием или кого-то, кто просто отсидел лекции по направлению? То-то же!» Даже в часы глубочайшего откровения – перед сном или тусклым утром – она грезилась о миге, когда и эта, казалось бы, далёкая вершина падёт ниц, как ключик от врат ещё неизведанного, всенепременно увлекательного мира.

Манящие перемены, к слову, были не за горами. Четыре столь долгих, но в то же время удивительно скоротечных года проявили себя поистине способнейшими из учителей и лучшими из организаторов: отсеяли попутчиков, сплотили коллектив, а в завершение всего – выделили из дружной группы кружки по интересам. Спортсмены, музыканты, книголюбы – кого только не сыскалось под крышей Межозёрской альма-матер! Отдельное место, ближе всех к преподавателю, бесспорно отошло почитаемому и увлечённому образовательным процессом трио: единственным на всю группу девчонкам с Николаем в довесок.

– Сворцова! – знакомый баритон в ключья разметал девичьи грёзы. – Задремала, что ли? Говорю, может, с тобой снимать будем? Как ни посуди, а вместе удобнее, да и дешевле. Опять-таки на «своё» в два раза быстрее накопится... или в четыре, если я, конечно, соглашусь!

Удивление Маши подвинуло тягу к рассуждениям да мечтам. Завсегда сдержанный, а откровенно говоря, скупой на праздный артистизм, Коля ни с того ни с сего сострил второй раз за утро! Что и говорить, покуда целая вечность их знакомства лишь единожды отметилась большим достижением – тогда «Межозёрский Авангард» чудом взял кубок губернатора по футболу, а Коля – рекорд по шуткам в единицу времени. Правда, в этом году команда плелась на задворках турнирной таблицы, отчего происшествие делалось всё более и более интригующим.

– Что это ты... А-а-а, – протянула девушка с самозабвенным довольством. – Я-то думаю, откуда столько энтузиазма?! Точно! – улыбка триумфатора поселилась на милом веснушчатом лице. – Вспомнил о лабораторной?

– С чего бы? Подобными мелочами, знаешь ли, голову забивать не пристало. Если нужно, списывай на здоровье!

В кои-то веки молодой человек извлёк из рюкзака полностью готовую, оформленную – сложенную в опрятный файл! – домашнюю работу. На титульном листе, вслед за «...выполнил студент 4 курса: Абрамов Николай...», красовалась размашистая подпись, – юноша действительно подготовился на славу.

– Давно ли это, простите?... Ты сегодня прямо сам себя превзошёл! Как же: «сильному не нужно, а слабому не поможет»? Или это не про тебя?

– Так-то оно так. Только вот уже третьи сутки пошли, как отношение переменялось. Отныне всё как ты сказала: тружусь за двоих; ещё в пятницу с родителями договорились. А

знаешь, оно, может, утомительно, но смысла не лишено. Когда бы мы ещё спокойно посидели? С чувством, с толком, с расстановкой.

– Погоди, погоди. О чём это вы договорились? Ты обязался делать все домашние задания?! Или это разовая акция?

– Если бы. Им тоже красный диплом подавай. Я, разумеется, объяснил, что напрягусь, постараюсь, но гарантировать сложно. Кстати, Маш, поможешь химию пересдать? – новоявленный «трудыга» покосился на подругу так, как не всякий кот обласкивает сметану. – Зачёты ведь не считаются? А с остальным у меня правда порядок! Хочешь, буду каждый день по шоколадке приносить? Твоей любимой – с орешками.

И пусть шантажист знал, куда давить, что-то по-прежнему никак не укладывалось в голову у девушки. Ни шоколад, ни договор не объясняли главного: «Зачем Коля вообще на это согласился? Он, безусловно, парень сговорчивый, только всему же есть предел. Вон, на него публикацию возложили – наотрез отказался! И вдруг чудеса упорства, да ещё со сладостями в придачу».

– Как бы не лопнуть от такой щедрости, – задорный смешок вновь разнёсся по отзывчивой аудитории. – Помогу, конечно, но давай начистоту: хочешь сказать, ты с бухты-барухты взялся за ум? То есть совершенно безвозмездно?! – Маша выдержала многозначительную паузу. – Ох, чувствую, темнишь, Коленька, темнишь! Обычно же что под уговором понимают? Правильно – взаимовыгодное соглашение. С родителями понятно, а вот твой стимул... Признавайся! Неужто годовой запас шоколада? Нет?!

Бедняга не успел пошевелиться, как в тот же миг пал жертвой мозгового штурма. На что только не сподобилась буйная фантазия: отдых на море, японские часы, столь желанный фотоаппарат и вертолёт на радиоуправлении – всё мимо! Молодой человек ни в жизнь бы не выдумал столько вариантов, сколько обрушилось на его голову за тридцать секунд. Наконец, когда мечтательница прервалась, чтобы вздохнуть, Николай едва заметно улыбнулся.

– К чему, собственно, гадать, если можно выглянуть в окно? – Юноша приподнялся со стула, ощупал карманы брюк, после чего смущённо звякнул ключами с хромированным брелоком в форме ладьи. – С меня красный диплом, с отца – недостающая на машину сумма. Так сказать, аванс за хорошую учёбу.

Скромное откровение шокировало целый город – и помещение на третьем этаже, и залитая солнцем улица единодушно лишились сил вымолвить хоть слово. Приходится ли говорить об ошарашенной девчужке, ежели сам автовладелец замер в немом оцепенении?

– Хорошенький аванс, ничего не скажешь... – искуснейший остро слов не описал бы ситуацию точнее. Розыгрыш? Так вон она, звенящая связка – до сих пор переливается в вытянутой руке! Маша будто невзначай подошла к огромному окну. – Значит, можно поздравить тебя? Какого же она цвета? Синяя?

– Здесь же ни одной синей машины! – Коля оправился от неловкости и теперь нависал над плечиком подруги.

– А я на неё смотрела! – девушка кивнула в пустоту. – Правда не видишь?! Выше, ещё... Да отражение, Коль!

Со стеклянной глади на озадаченного шатена косилась дымчатая, но хорошо узнаваемая парочка: миниатюрная блондинка в небесно-голубом, под цвет глаз, платье и её удивлённый, круглолицый визави. Воздушная материя поверх не менее воздушной натуры пестрела нежно-белёсыми, точно пёрышки облаков, кружками, тогда как ладно сложенная фигура подле скрывалась не только за ней, но и за мешковатой песочного цвета футболкой.

Загадочные двойники воспарили над широким проспектом, что на глазах пробуждался ото сна и всё громче шумел десятками моторов. Беспечный транспорт мчался по делам, парковался у заведения, а иной спешил высадить студентов, дабы поскорее смерить шинами очередной круг избитого маршрута. Кондуктор разбирался с пассажирами, а пёстрая толпа

«обилеченных» скрывалась за колоннами университета, хлопала двухметровой дверью, наполняя заведение живостью и задором.

– Ну так что?

– Может, красная? – оракул вообразила себя героиней фильма на алом кабриолете без верха; горный серпантин, солоноватый морской воздух... – Хотя погоди, это, наверное, слишком. Пусть серая! Видишь джипик? Думаю, он!

Николай взаправду тяготел ко всему утилитарному, сродни его тактическому рюкзаку, а порой – к архаично-утилитарному, вроде советского инструмента, справочников или рыболовных снастей, но японский внедорожник выходил за рамки любого разумного «аванса». Впрочем, было бы натуральным кощунством ожидать экспертности от девушки, заострённой в вопросах техники исключительно на высоком: формах, цветах и их соответствии друг другу.

– Снова мимо!

Парень разве что на месте не подпрыгнул: «Как тут не догадаться?» – его удивление казалось тем нелепее, будто речь шла не о выборе из десятка автомобилей, а о каком-то очевидном факте или тайне Полишинеля.

– Цвет и правда нейтральный, но не более. Давай чуть-чуть упростим: она оттуда, где машина была средством передвижения, а не роскошью. Но это последняя попытка – и так уже понятно!

– Понятно ему! Вообще, если б не лозунги твои староверские, может, и у других бы прояснилось; то классовая борьба, то роскошь ему не угодила! Белая с багажником? Только толку? Я всё равно в марках не понимаю! – Маша прищурилась. – Вроде ничего, но угловатая какая-то... Или так и должно быть?

– Ну-ну, полегче на поворотах! Строгая или классическая, если угодно... А обзывать не нужно, машина, она ведь всё чувствует. – Юноша распахнул окно, и свежий, ещё не нагретый воздух сейчас же устремился избавиться от канцелярии на партах. – Знакомьтесь: «Снежная королева», это Маша; Маша, это «Снежная королева». Мне кажется, идеальное попадание, скажи?! Ты глянь, как блестит... эх!

Гордо, будто кубок или заслуженный трофей, Коля продемонстрировал чёрную коробку при ключах. Вроде ничего необычного: три прорезиненные кнопки, по нацарапанной буковке у каждой, да потёртый пластик, – однако столько радости в глазах владельца! Молодой человек пригляделся, выбрал ту, что обозначалась не то кружком, не то буквой «О», после чего не без удовольствия воскликнул: «Вуаля!» Ничего не случилось. Мгновение спустя коробочка пискнула от давления, но трюк снова провалился. Наконец, когда удалось изловчиться и как следует прицелиться, техника ожила: задорно моргнула новой знакомой и даже прошептала клаксоном что-то на автомобильном.

– Это она здоровается, – заминка, похоже, несколько не смутила окрылённого технократа. – Привередничает, хорошая моя. Говорю же, королева! Ради неё и встать пораньше не жалко – предполётные проверки, так сказать.

Что именно нужно проверять, никто, конечно, не объяснял. Представилось, как, выходя из подъезда, юноша непременно совершает «круг почёта» у своей прелести – надо же убедиться в целостности обновки! – а после зачем-то пинает шины, как всякий ответственный водитель. Впрочем, фантазии не разрешили главного: «Одно дело путешествовать – в дальней дороге всякое случается. Но если до дома рукой подать?...» – Маша вздохнула от бессилия.

– Ладно тебе грустить. Не разбираешься в машинах – не беда, я научу! – отменный лектор и большой ценитель всего бренчащего, жужжащего, а с недавних пор ещё и тарыхтящего, как всегда, продемонстрировал «удивительную» эмпатию. – Это девяносто девятая, отечественная модель; может быть, даже лучшая.

Коля закрыл машину и карикатурно скрестил руки на груди. Он до того увлёкся сиянием кузовных панелей, что даже недюжинное удивление визави, буквально упёршееся в светлый лик рассказчика, осталось безо всякого внимания.

– Видишь пульт на связке? Это брелок сигнализации. Вчера батарейку поменял – работает как часы! Теперь насчёт багажника...

Насмешку над «часами» сдержал внезапный хлопок двери – настолько громкий, что разом оборвал и нить повествования, и заготовленную Машей остроту. В аудиторию ворвалась пара студентов, поздоровалась и тут же уселась на задние ряды. А следом началась истинная вакханалия: неуправляемый людской поток, точно после отмашки к наступлению, поспешил занять вакантные места: кто-то располагался у окна, иные присоединялись к товарищам по центру, наконец, вошёл преподаватель, и лишь возле Маши с Колей пустовало место.

– Доброе утро, молодые люди, – пожилой педагог по-отцовски тепло обвёл присутствующих взглядом, водрузил потёртый саквояж на стол и занял своё место. – Пятнадцатое, кажется? Хорошо, это хорошо... Скоро лето, золотые мои, а нам столько нужно успеть.

По-прежнему бойкий и деятельный, физик славился особой, поистине редкой закалкой минувшей эпохи. Это ли не счастье – пронести человеколюбие и страсть к каждому мгновению, несмотря на отнюдь не тепличные лета?

– Слышали песню про пять минут? Со временем всегда так. С одной стороны, катастрофически мало, а с другой – поверьте моему опыту – полно от вас самих зависит их ценность. Что же, дождёмся звонка или начнём?! Будьте добры, журнал.

И пока Маша, как прилежная староста, шуршала пожелтевшими страницами, массы ожидаемо взбунтовались:

– Станислав Игоревич! Вдруг кто-то подойдёт?

– Ладно, ладно. Только прошу, не тратьтесь попусту – кто не готов, пусть проявит фантазию с оправданием. Если не меня, хотя бы товарищей развеселите! Готово, Машенька? Вот, спасибо!.. Сдаёмся, молодые люди, сдаёмся.

В воздухе повисла звенящая тишина. Студенты озирались, как никогда тщательно изучали парты, и лишь подготовленный минимум потянулся за домашним заданием. Сумки, рюкзаки и папки распахнулись в триедином порыве явить свету труды владельцев. Тем временем над кафедрой, точно жезл дирижёра или волшебная палочка, вспорхнула простенькая авто-ручка, что завела ритмичный счёт присутствующих, а недосчитавшись пары человек, понуро уткнулась в разлинованную бумагу.

– Абрамов! – Профессор строго смерил взглядом Николая поверх толстых очков и, не дожидаясь ответа, размашисто отметился у фамилии.

– Верховодов! Присутствует такой?

– Я здесь! – голосок, малознакомый даже одноклассникам, возвестил о небывалой удаче – до учёбы в кои-то веки снизошла настолько гигантская звезда, что во избежание огласки трижды опоясалась забором из «н-ок» напротив инициалов.

– Эвона как. Признаться, весьма польщён. Дайте хоть взглянуть на вас... – Станислав Игоревич приподнялся со стула, отыскал розовощёкую, улыбочивую гримасу и всплеснул руками. – Хорош, до чего хорош! И как это вам удалось проскочить на наше собрание? – В ожидании ответа преподаватель опёрся о стол, потупившись в раскрытый учебник. – Молчите оттого, что стыдно, или вовсе не приемлете диспутов? Впрочем, не важно. На правах старшего товарища довожу: если не возьмётесь за ум – однозначно не проскочите мимо повтора курса. Решать вам.

Из-за затянувшейся «переключки» в класс, обыкновенно запираемый на ключ, успела забежать высокая, стройная на манер тополя особа. Её по-кошачьи открытый, притягательный взгляд из-под длинных ресниц и модного смоляного каре почти наверняка гипнотизировал любого редкой проницательностью и изумрудным очарованием. Впрочем, почти – не озна-

чает всякого; опытный преподаватель будто не заметил пришествия, невинной позы и шлейфа духов, а только что-то отметил в ежедневнике.

– Простите за опоздание, можно войти? – ладная скромница робко прикрыла дверь аудитории и, улыбнувшись Маше, приняла смиренный вид. – Автобуса долго не было. А тот, что пришёл, так плёлся, будто водитель лично его толкал! Ногами, или педали крутил...

Молодёжь отозвалась на каламбур неужённым хохотом, тогда как педагог лишь покачал головой: «Взрослые же люди!.. Раз уж я в семьдесят два года поспеваю до звонка – какие оправдания могут быть у студента?» Благо второй по счёту выучки не случилось, а потому довольная девчушка засеменила к истосковавшимся друзьям.

– Привет! – прощепетала она, будто и не было никакого смятения. – Подумала, не бросать же вас, в самом деле, на произвол судьбы. Давайте, двигайтесь... Коля, колени! – юноше пришлось спрятать не только ноги, но даже рюкзак, что очень уютно растёкся по соседнему креслу. – Совсем другое дело. Заждалась меня? – смутьянка устроилась между ребятами, и подружки обнялись так крепко, словно со вчерашней их встречи прошла целая вечность. – Запыхалась же я по этажам скакать!

– Позвольте совет? – Станислав Игоревич с хитрецей покосился в сторону неразлучной троицы. – Вам бы, Кира Владимировна, всего что будильник завести пораньше. Уверю, лучшего средства от подобного рода «испытаний» ещё никто не сообразил. Вы поэкспериментировуйте на досуге!

Маша не удержалась от ремарки:

– Зато после пробежки голова на место встаёт. Считайте, законный допинг!

– Вообще-то, она у меня всегда на месте – просто соображать лучше начинает!

Импровизация удалась. Очередная волна смешков с головой накрыла переполненную аудиторию, и даже опытный преподаватель не сразу обуздал взволнованные массы. Ни строгие постукивания, ни, наконец, увещевания не возымели должного эффекта. Смягчить, а после и вовсе унять ажиотаж помогла смекалка – профессор заглянул в недра саквояжа, откуда аудитории явилась обычная конфета в пёстро-голубой обёртке:

– Есть, дорогие мои, куда более приятный способ расшевелить серое вещество. Как думаете, что? Правильно, сладкое! – педагог протянул вкусноту зачинщице беспорядка. – Главное, этим делом не злоупотреблять, а в остальном... обещайте поразмыслить о будильнике! Договорились? – Взятчица благодушно кивнула. – Замечательно. Итак, кто первый к досмотру? – Гомон унялся. – Лес рук... Тогда по алфавиту: не томите, Абрамов, – судьбу не обмануть.

И пока Николай хвастался лабораторной, Кира отчего-то увлеклась изображением на подарке: лес, поваленное дерево и медвежата возле мамы навевали тёплую безмятежность. Безмятежность, которую порождают воспоминания из детства или искренняя доброта. Безмятежность, которую многозначительно величают затишьем перед бурей.

Глава II. На память потомкам!

– Айда в «Сапфир»? Окно⁴ да час обеда – там как раз этого показывают... Ну, шпиона-то! – Вчетверо перегнув фантик, Кира спрятала его подальше в джинсы. Завсегдатай тренажёрного зала, она никогда не налегала на мучное и сладкое, но разве упростишься саму себя за пятёрку похвалить? – А знаешь, вроде ничего так – вполне съедобно. Может, не зря наш «председатель» по всему допотопному страдает?!

– Ты бы этому «допотопному» лучше спасибо сказала. Квартира у вас при ком построена? Или институт наш? – Николай хоть и скрылся по уши в рюкзаке, а колкости, особенно в свете последних новостей, пропустить не мог. – То-то! Нельзя голословно на вещи или историю клеветать.

– Ладно тебе – я же любя! Или кто-то встал не с той ноги?

– Ой, ты же ещё не знаешь! – пролепетала Маша и отчего-то засияла так, как сияет зревшая, воспарившая над ситуацией особа. – Ни за что не догадаешься! Теперь-то мы и в кино успеем, и даже перекусить после, – заговорщицки подмигнув молодому человеку, девушка провалилась в улыбочиво-лучезарную негу.

Действительно, как не разомлеть, покуда неожиданно-негаданно разрешилась извечная борьба между столовой и новинками проката? Баста! Отныне дешёвые билеты с удобными креслами не только не противоречили ароматному обеду, но и становились его увлекательным аперитивом, извечным напарником и другом. «Хорошее дело – мобильность. Хочешь – в кино, хочешь – домой, а хочешь!..» – Фантазёрка не заметила, как минула три пролёта, обшарпанную табличку «Столовая» под крупной стрелкой, а опомнилась, уже уткнувшись в турникет.

– Долго вас ждать? Давайте, давайте! Чуть-чуть активнее ручками, ножками; мне прямо не терпится на её реакцию посмотреть, – взбудораженное чудо, точно заправский регулировщик, охотно уступило дорогу подруге, но отчего-то преградило путь отставшему юноше. – Коль, можно тебя? – девчушка буквально прижалась носом к его уху, чтобы не проговориться. – Дай я открою? Ну пожалуйста! Заодно сигнализацию проверим – не зря же ты батарейку менял!

Сговорившись, ребята ступили на высокое мраморное крыльцо. Кто-то вскрикнул, и поливальная машина окропила разогретый асфальт. Тяжеловоз стих за поворотом – отныне лишь тротуар да чернённый в перламутровой дымке проспект отделяли пешеходную бытность от припаркованного через дорогу сюрприза. Маша вскарабкалась на бордюр, отыскала нужную клавишу и, грациозно взмахнув, велела седану издать два коротких гудка. Автомобиль подчинился, раскланялся, даже задорно подмигнул троице напротив, только Кира ничегошеньки не разобрала: мало ли у машин причуд? Ни «вау», ни любого другого эффекта не случилось, а потому зачинщица сего действия выдала экспромтом:

– Тара, тара-тара, тара... – мотив из телевикторины прокатился вниз по улице. – Ты что, ничего не видишь? В общем, Коля сегодня принимает поздравления – отныне он у нас автолюбитель! Заодно и мы с тобой потихоньку приобщимся: сперва в помощницы, потом, глядишь, повысят. Кстати, совсем забыла... – Маша шустро засемила наискосок по дороге, оббежала пару лужиц, затем обогнула машину и дёрнула за ручку двери, – чур, я спереди! Да как тут она?!

– Тише, тише – оторвёшь ведь! – «Счастливый» автовладелец настолько распереживался за матчасть, что вмиг стал натуральным образчиком превосходных манер. – Просто нажимаем на курок. Видишь? – Замок глухо щёлкнул, открыв взору величественный мир бежевых обивок. – Совершенно ни к чему насиловать механизмы. Прошу! И вас, мадемуазель!

⁴ Окно – пустая пара, не предусматривающая занятий.

Нисколько не торопясь, грациозно, как по подиуму, Кира приблизилась к транспортному средству. Похожая «Лада» была и у её отца, но за чередой следующих обновок – сперва доступных иномарок, а после шикарного «Мерседеса» – особенного впечатления она не произвела. Скорее, наоборот, запомнилась бесконечными полочками да сладковато-пряным запахом салона.

– Ну ничего себе! – из вежливости Кира даже переборщила с изумлением. – Ты у нас, выходит, на коне. Стесняюсь спросить – шофёр аккуратный или лучше пристегнуться?

– Как ты выразилась, «шофёр» у вас на редкость исполнительный. Только пристегнуться никогда лишним не будет: как-никак средство повышенной опасности!

Хромированный брелок гулко стукнул о пластик рулевой колонки, двигатель взбрыкнул, и «Снежная королева», залихватски присвистнув, тронулась с места. Белоснежный кузов, покачиваясь точно на волнах, стремительно рассекал порядком нагретый воздух, шины полоховали асфальт, и даже ближайший светофор улыбнулся троице добродушным зелёным светом. Рулевой заложил вираж, машина встрепенулась, напряглась всеми лошадьми и что есть мочи устремилась к «Сапфиру», красоваться отполированным капотом да молодежavo черненькими бамперами.

– А кондиционер у нас работает или того? – послышалось между водительским и пассажирским креслами. Оттуда же выглянуло сплошь пунцовое, словно от волнения, личико. – Хорошо вам спереди, а вот я уже упарилась!

– Скажешь тоже! Ко всему прочему, он здесь с функцией «два в одном»: во-первых, климат-контроль, во-вторых, тренажёр. Видишь рукоятку на двери? – Николай коснулся продолговатой ручки у музыкального динамика. – Против часовой – это холоднее, в обратном направлении – режим бани. – Стекло сдвинулось, однако несносно задребезжало. – Смотри, чтобы не продуло, это же тебе не какая-то иномарка!

Спустя пол-оборота юноша наконец отыскал положение, при котором лишний шум исчезал, а ветер по-прежнему не досаждал никому из присутствующих. Начинаящий водитель только и успел, что сконфуженно буркнуть: «Это мы подправим, это ничего!» Он вдруг вспомнил бессонные ночи раздумий, сотни вопросов и все предшествующие покупке сомнения. Судьбоносные решения смущают всякого – таков закон! Копить или истратить? Если истратить, то на что, а если копить, то как долго?! А может быть, вовсе передумать: всё-таки автомобиль – нешуточная ответственность! Беспреданный круговорот занимал Колю с утра до поздней ночи и немногим дольше: муки выбора не отступали даже во сне. Откуда-то появилась книга по ремонту и эксплуатации, а пожилой сосед, бывший дальнобойщик, признал за своего и подолгу втолковывал те или иные технические особенности. Едва не обезумев от терзаний, парень твёрдо уверился, что «ни одна ошибка не покажется страшнее промедления», и на следующий же день выступил к родителям с предложением. Последнее, конечно, несколько видоизменилось ввиду серьёзности, тем не менее вступило в силу на известных условиях и, более того, казалось справедливым, даже закономерным – будто всё сложилось именно так, как должно было сложиться.

– А мне нравится: чистенько, пахнет приятно. – Маша качнулась на сиденье и, словно прислушиваясь к ощущениям, коснулась потолка. – Что ни говори, а светлые тона вообще хороши! Замечали? И воздуха больше, и сразу дышится как-то легче.

– То-то мне полегчало, а я грешным делом на окно подумала! – Кира расхохоталась в лицо набегавшему ветру. – Товарищ водитель, товарищ водите-е-ель, – протянула она уже нарочито серьёзно. – Простите, что отвлекаю. Радиола вашего пепелаца тоже не чета заграничным? Или обойдёмся без грампластинок?!

На этот раз троица дружно подхватила шутку:

– Держи, – Коля взмахнул длинным чёрным проводом и улыбнулся в зеркало заднего вида, – давайте только без этих ваших... Что-нибудь нормальное.

– Что вы, что вы! Исключительно классика, канон, воплощение традиций!

Диджей уткнулась в телефон, и мгновение спустя на всю округу разразилась популярная композиция о стране буги-вуги из не менее популярного фильма. Мимо городского рынка, жилых домов и разноцветных заборов – молодые люди что есть мочи подтанцовывали зажигательному мотиву. Если водитель лишь покачивал головой, более повинувшись общему настроению, нежели разуму, то девушки устроили настоящую дискотеку: развернувшись друг к другу, громко подпевали, разрезали воздух руками, энергично топали – словом, трепетали каждой клеточкой тела так, как трепещет сама всепрощающая юность – без забот, без печалей, без опыта за плечами. Даже тень снаружи пустилась вприсядку: с бордюра на бордюр да по тротуарной плитке!

Кира включила камеру на телефоне и записала коротенькое видео. Первой в кадре показалась Маша – она изобразила два-три «па», после чего по-детски наивно помахала рукой. Затем оператор сфокусировалась на зеркале – серебряная глубина покоила задумчивый мужской лик, что совсем недавно искрился лучиками счастья, но кардинально переменился для съёмки. Последние десять секунд видеोगраф посвятила себе – взмахнула волосами, запечатлела красивое лицо, горделиво вздёрнутый носик и отчего-то донельзя серьёзно декларировала: «На память потомкам! Мало ли куда у вас руки доберутся...»

Если бы не разрядившийся аккумулятор, вечеринка наверняка продолжалась бы до самого кинотеатра. Девайс ни с того ни с сего пискнул, экран его обессиленно погас, и хотя музыка ещё звучала, вскоре прекратилась и она.

– Как же здорово! – Маша прибрала длинные локоны и растрепавшееся платье. – Нужно будет повторить. Обязательно, слышите?! И чтобы никаких возражений, – девушка обвела присутствующих взглядом. – Что ты, молодец, не весел, буйну голову повесил?.. А, Коль?

– Да ничего. Просто на дороге сосредоточился.

– Так, сосредоточенный наш, давай уже признавайся, как можно взять машину, нигде не работая? Думали, я поверила вам? Ну-ну, тоже мне, заговорщики. Сразу понятно, о чём это вы шушукались. Нет, если ты банк ограбил или хотя бы полбанки, то допускаю... Но кроме шуток – кто-то одолжил, да?!

– Да правда это его! – вступилась Маша, как за себя. – Часть накопил, часть родители добавили. Ни за что не догадаешься, какой у них уговор! Кое-кто метит на красный диплом, представляешь?

Представить Кира не могла ровно одного: как отложить мало-мальски крупную сумму, когда вокруг столько нужного и интересного. Еженедельный маникюр, приталенная рубашка, модный телефон – соблазны безоговорочно довели над разумной необходимостью. Взять хотя бы последнюю стипендию – улетучилась тем же днём на кроссовки, что нынче переминали коврики за водительским креслом.

– Я вот, хоть убей, не понимаю: как это вообще возможно? Не диплом, а машина. С наших-то копеек? Не смешите меня. Да ты пусть с первого курса не траться – максимум самокат себе выкроишь. Или велосипед сильно подержанный, ну, который ещё без скоростей.

Пользуясь случаем, нахальный ветер заглушил всё в автомобиле – даже шелест шин и гул трансмиссии остались не у дел. Непоседливый одумался, стоило Коле затолковать о подработке:

– ...их-то мы и берём на «вторичную переработку». Я, признаться, сомневался, но, если задуматься: не мы – значит другие. Всё равно же без дела валяется – считай, мусор! – Он в сердцах махнул рукой. – Правильно, неправильно... зато природе польза.

– Так, стоп. Ты по помойкам, что ли, шарился?! Вернее, вы. Компания, видно, у тебя на зависть подобралась!

– Кир, – Маша пожала плечами и без слов, одним видом усмирила неприкрытую брезгливость подружки. – Мало ли профессий на свете. Настоящий экоактивизм получается! Жаль, не всякому эта сознательность дана, а то бы совсем по-другому зажили!

– Вас не продуло?! Какие помойки, какой активизм? Металл, говорю, мы сдаём со старого рудника. Раньше это вообще кладёзь был, но и на нашу долю осталось. Пару раз съездишь – несколько тысяч откладываешь; хотя, это как повезёт: бывает больше, бывает меньше. Один раз кабель нашли – медный, представляете? – так и не вытащили. Весь в лёд вмёрз! И долбили, и грели, только он, похоже, прижат. А в остальном всё непонятные железки экспроприируем.

Благо ни инструмент, ни части старого оборудования не слышали столь вопиющей клеветы. Вот бы они подивились, когда вместо прежних комплиментов этот преприятный делец на голубом глазу отрицал всякое знакомство! Впрочем, Коля не лукавил хотя бы в том, что заброшенное предприятие действительно не таило ничего ценного или хотя бы работоспособного. Первое – доживало у новых владельцев, второе – отправилось на переплавку, и лишь жалкие крохи прежнего величия остались на разграбление энтузиастам.

– Кстати, я там бывала. Правда, ещё в детстве. – Маша припомнила одно из испытаний: отец записывал в блокнот, а сотни людей вокруг точно вступили в схватку с природой. Кругом самосвалы, тракторы, напряжение, лязг... Кто бы мог подумать, что столько сил, чаяний, стараний по щелчку пальцев окажутся заросшей на отшибе напраслицей⁵? – Эх, было время... Помню, шума испугалась! Жуть! Папуля мне сначала уши-то ладонями закрыл, – девчушка горько рассмеялась, – а потом каску приволокли. Огромную! С прожектором! Вы даже не представляете! И знаете, ничего. Освоилась кое-как с этим «ведром» на голове! А вообще, удивительное зрелище.

– Так там и сейчас недурственно. Мрачновато, угрюмо... но что-то в этом есть. Сила или, вернее, контраст. Контраст! Человека с природой, временем – и телескоп не нужен, чтобы песчинкой себя ощутить. Смотрите, – юноша передал Маше телефон. – В галерее... Ага, теперь листай ниже, ещё... Вот! – Под фотографиями с авто Коля позировал у удивительного ледяного грота в каменистых объятиях. – В штольне⁶ вообще всё по-другому. Здесь птицы поют, зелень кругом, а там погода одна: зябко да темно. Зато какой каток бесплатный!

На следующем же кадре во всей красе предстал и сам таинственный закуток: укутанный иссиня-голубым покрывалом, он походил скорее на снежное царство, чем на заброшенное подземелье. Тупичок буквально утопал в сиянии и блеске искрящегося инея, которыми особенно поразил Киру:

– Никогда бы не подумала, что у нас такое есть! Далеко вообще этот твой «рудник»?

– Признаться, не замерял. Километров двадцать навскидку; максимум двадцать пять.

– Спокойно, ребяташки, даже не начинайте! Ладно она авантюристка, но ты-то, Коль, куда?

– Тоже мне, Шерлок Холмс. Неужели кино не нагладелась? Хорошие победят, плохие проиграют. Ну? Зато фотографии сделаем!

Маша помотала головой и демонстративно скрестила руки:

– Это ты, вон, его уговаривай, а меня на обратном пути заберёте, никаких обид. Платье, каблуки – куда я такая красивая?!

– На фотосессию, конечно. Сама подумай, ну какой из Абрамова фотограф?! – Кира до того нарочито, даже гротескно сердилась, что еле сдерживала смех. – Нет, если ты мечтаешь, чтобы меня засмеяли – пожалуйста. Так и скажи, мол, подруга, хочу, чтобы у тебя совсем не было личной жизни!

– Как быстро мы тему сменили! Только причём тут это?

⁵ Напраслица – напрасный труд, абсолютно зря потраченное время.

⁶ Штольня – горизонтальная или наклонная выработка, имеющая выход на поверхность.

– При том! По-твоему, суженый обо мне по радио узнает? Или из газет? Со снимками хоть какой-то шанс есть. А-ля «ледяная принцесса»: рубашечка – первый снег, мерзлота страшная, зато глазки – обжечься можно! – Невеста на выданье сейчас же примерила роковой образ и не собиралась отступать. – Ну? Туда и обратно, если водитель не против. Заодно посмотришь, как всё изменилось... Или наоборот. Вдруг что-нибудь узнаешь? Разве не интересно?!

Искусительница не прогадала. Маше нестерпимо захотелось увидеть место – соглядатая её тёплых грёз. Она кивнула. Николай прибавил газ, минул правым бортом «Сапфир» и, увлекая тучные клубы пыли, устремился поскорее вырваться за город, навстречу заброшенному и покинутому руднику.

Глава III. Под уклон

Вместе с поселением в зеркале заднего вида скрылись и последние блага цивилизации: за перечёркнутым знаком асфальтовый простор сменялся избитым серым полотнищем, а после – невероятно тряской гравийной отсыпкой. Острозубые камни – будь они неладны! – из вредности ли, забавы ради, норовили превратить фотографа, модель и гида в дружный автосервис на выезде. Кто тогда отправится за помощью? Как бросить «Снежную королеву» в глуши?

Раскидистые вековые ели бессменными часовыми выстроились по сторонам извилистой дорожки, которая, казалось, утопает не в чаще леса, а натурально под ним – так густо сходились лапы хвойных красавиц. Едва ли не каждую сотню метров гранит под колёсами прибавлял в весе, бугрился и щетинился, сдавленный проезжей частью. То тут, то там колючие иголки тянулись расписаться по белой краске, пока, наконец, не забрезжил крохотный, удивительно светлый пятачок. Пилот заметно расслабился, развернул «болид» и машинально – подальше от случайных глаз – пристроился у зарослей в тени двух исполинских деревьев.

– Всё, барышни, дальше только пешком. – «Лада» чихнула из глушителя, после чего смолкла. – Да не бойтесь, почти прибыли. Нам через прогалок в кустарнике. Метров двести-триста не сворачивая, и на месте; плюс ещё внутри. Как говорится, быстрее начнём – быстрее закончим. Давайте, лишнее в багажник.

Вскоре вотчина дорожных нужностей пополнилось парой дамских сумочек, тряпкой из салона – не хватало ей что-нибудь перепачкать! – и разряженным смартфоном; Коля спрятал их подальше, за инструмент. С собой же прихватили исключительно необходимое: рюкзак провозатого вместе с содержимым, пару гаджетов – Николая и Маши, да кое-какие мелочи вроде фонарика, перочинного ножа и зажигалки.

Подружки успели размяться, даже наскоро оценили пейзаж, как вдруг послышалась канонада глухих разрывов.

– Что это?! – В один большой скачок Кира очутилась у машины. – Прямо сейчас!.. Все же слышали?

– Ты о чём? – Оглядевшись, юноша тихонько щёлкнул крышкой багажника. Вокруг ли, поодаль – природа замерла в оцепенении. Ни пения птиц, ни дуновения ветра, ни шелеста крон – словом, полнейшее безмолвие. – Может, показалось? Сама видишь, кроме нас никого, – в отличии от крикуни, голос Коли звучал уверенно и твёрдо. Вид его выражал крайнюю степень сосредоточенности, даже напряжённость.

– Вот, вот! Снова!.. – «Пам-пам-пам» донеслось из-под машины. – Ну?!

Мальчишеский смех эхом прокатился меж необъятных стволов. «А теперь?» – сказал Коля и скрылся из виду, и скрипящие хлопки раздались уже совсем близко. «Клац-клац», – нечто притаилось за капотом.

– Не волнуйся, это не тебе, – весь пунцовый от хохота, он обогнул машину с какой-то обувкой наперевес. – Бедные мои «сороходы»! Не успеешь от грязи отбить – сразу «караул» кричат. Глянь какие!

Гигантские резиновые сапоги казались тем угрюмее, чем тщательнее ты их рассматривал. Болотного цвета, сплошь исцарапанные и со стоптанной пяткой, они натурально походили на реквизит для триллера⁷, но совершенно не годились для носки. «Чего доброго, все ноги переломаешь», – решила Маша, однако вручили их именно ей:

⁷ Триллер – жанр произведений литературы и кино, нацеленный вызвать чувство тревожного ожидания, волнения или страха.

– Это я из гаража прихватил, на всякий случай. Да ты не смотри, что потрёпанные: они ещё ого-го! Главное, дыр нет. Таким что клещи, что колючки – сплошные пустяки. Или туфель тебе не жалко?

– Пожалуйста, скажи, что это шутка! – взмолилась «подопытная». – Как я в этих «крокодилах» смотреться-то буду?!

– А каблук отлетит? Или ногу подвернёшь? Оно тебе нужно?

– Уж двести метров как-нибудь и туфли продержатся! Куда тут?! Прямо по тропинке?.. За каблуки мои, бедный, испереживался!

Ветви подались напору устремлённого тельца, растворив невесомое в шуме тысяч листьев. Как по туману, на ощупь и ничком, исследовательница тихонько углублялась в ласковые заросли, что не царапали, а прещекотно гладили всё, чего касались. Зелень переливалась в свету от горчичной до лаймовой, а ближе к выходу вовсе золотилась лучиками солнца. Когда ажурное плетение окончательно расступилось, взору предстала воздушная, потрясающей красоты стёжка⁸.

– Мы точно по адресу приехали? – отойдя от шока, Маша во все глаза восхищалась девственной природой. – Помнится там здание какое-то было, лифт. Или ничегошеньки не сохранилось?

– Постройки точно есть, – Коля отчего-то замешкался в кустарнике. – Но мы у штольни, а они на комбинате. Там и забор, и колючая проволока – всё серьёзно!

Ребята донельзя эффектно появились из кустов: парень сплошь в листе, зато Кира с нетронутой причёской.

– Только сдаётся мне, – продолжил Коля, – охранять давным-давно нечего: крыша целая и ладно. Остальное вывезли, попилили... Хотя кто его знает? Может, часть заварили подальше от любопытных.

– Ну и как мы внутрь попадём?

– По штольне, Кир, по штольне, – экскурсовод обогнул группу, поправил рюкзак, распухший, к слову, намного сильнее обычного, и с чрезвычайно важным видом стал во главе отряда. – Тоннель здесь прямо на землю выходит. Там такая скала или, даже не знаю, гора красивая... скоро увидите. Главное, под ноги смотреть не забывайте.

Молодёжь двинулась по живописной тропинке меж налитых бугристых корней. Мощные сплетения выступали над поверхностью земли, взрывали грунт, множились так часто, что почти по колено ограждали таинственный маршрут. Повсюду вне этой «границы» простиралась могучая, первобытная растительность, тогда как внутри шаг за шагом ширилось одно лишь каменистое подножье. Дикое, неизбитое, оно всё резче ходило под ногами, всё злее обходилось с деревянными путами и всё яростней сопротивлялось гостям, пока не набралось наглости обернуться огромными валунами серо-зелёного цвета.

– Маш, сфотографируй нас! – взгромоздившись на булыжник, Кира несколько раз обернулась на месте с горделиво запрокинутой головой. – Похожа я на балерину? Хотя бы чуть-чуть?

– Похоже, всё это плохо кончится, если ты, конечно, не притормозишь. Ну-ка, Коль, вставай рядом.

– Да, сейчас, – парень вооружил папарацци мобильным телефоном. – Пойдёт? – Перепрыгнув к пьедесталу, он выглядел настоящим лилипутом на фоне возвышавшейся приятельницы. – Или повернуться как-то? В общем, руководи.

Фотограф подняла большой палец и, присев на корточки, увлеклась выбором наилучшего ракурса. Вертикально, горизонтально, снизу, сверху, в профиль и анфас – камера не поспевала

⁸ Стёжка – узкая пешеходная тропинка, дорожка.

за фантазией творца. Когда же подумалось, что материал исчерпан, а сессия вот-вот кончится, подруги поменялись ролями...

Тяжелее прочего далась съёмка девчушек вместе; фотогеничные, порой даже излишне самоуверенные, они возложили колоссальную ответственность на незадачливого хроникёра, который решил если не качеством, то количеством оправдать чаяния спутниц.

– А знаете, людям у природы учиться и учиться, – Машин манифест, как с баррикад, разлился с вершины крутой тенистой тропки. Платье её подёрнулось, а над головой, на кончиках иголок, всплеснулись и ожили сотни ласковых светил. – Взять хотя бы эти деревья! Ни почвы, ни ухода – друг за друга уцепились, да тем и живы. Или ещё лучше: с рождения стремиться к солнцу, – тянуться-тянуться, прямо как мы в эту горку, – а оно уже в тебе! Символично, правда?

Разыгравшийся затем спор, хоть и не родил истины, зато лучше прочего отвлекал от монотонной ходьбы. Каждый уверовал в правоту, каждый доказывал и защищался, равно как каждый всё больше забавлялся беспечным диспутом.

За разговором подъём сменился гладко вычищенным плато. В отличие от тернистого пути, плешка в тени отвесной скалы напоминала райский уголок в объятиях дикой природы: чинно, благородно, а ко всему прочему, залитый солнцем массив, как стена без края и границ, подпирал бездонно-голубой небосвод.

В основании породы, поперёк неприметного углубления, зияло крупное рыжее пятно – остатки металлического листа на входе в штольню. Экстравагантная отделка на поверку оказалась банальной ржавчиной, и лишь кое-где у края полотна всё ещё шелушились кусочки бледно-зелёной эмали. Даже в наиболее пригожих местах покосившийся заслон смотрелся жалким и безнадёжно обветшалым. Что же до прямой функции – правый угол конструкции попросту отсутствовал. Здесь же валялась аляповатая, кривенькая табличка; на фоне «пробойны» да вытоптанной тропки надпись «Вход воспрещён!» чудилась не предупреждением, а несусветной хохмой.

Кира сразу облюбовала антуражный проход и, вытянув руки над головой, изобразила немислимые потуги коснуться его вершины.

– Смотри не порежешься, а то, – Коля всплеснул руками, – пиши пропало! Как, кстати, место? Правда особенное?

– Ещё какое! Не подвернёшь ногу, так порежешься; не порежешься, так камень по голове прилетит, – дождавшись отмашки, «фотомодель» встала на цыпочки и, приставив ладонь ко лбу, заглянула в неведомую даль. – А если серьёзно, то атмосферно, даже очень. Горы, лес... зря мы раньше сюда не приезжали. Ну, давайте, ваша очередь!

Следующая четверть часа ознаменовалась главным образом поиском собственной позы или творческим осмыслением чужой. Девчушки с завидной изобретательностью порхали с одного места на другое, выбирали ракурсы и до того полюбились камере, что даже при всём «старании» оператор не сплывал. Напротив, каждый кадр обладал индивидуальностью, задумкой, выходил по-своему интересным и привлекательным. В негласном состязании даже чопорный юноша сподобился на две-три фигуры, чем несусветно поразил коллектив. Лучшим же единогласно признали последнее групповое фото: Коля вынул фонарь, пристроился у входа на манер охранника, а очаровательные путницы, взявшись за руки, вознамерились проникнуть в таинственные чертоги.

– Ты прямо готовый вахтёр! Только форменной одежды не хватает: брючек со стрелками, кепки...

Ребята с энтузиазмом изучали яркие изображения.

– Ещё бы сапоги очень пошли, резиновые, например, – Маша смахнула кадр и ехидно улыбнулась. – Тебе бы, Кир, кстати, не ёрничать, а панамку, что ли, какую отыскать; нигде не валяется? Глянь на причёску!

Следующий же портрет выставлял в дурном свете саму зеленоглазую шутницу: волей ветров роковая соблазнительница предстала наглядной моделью электризации волос.

– Лучше момента не смогла поймать?.. А ещё подруга! Учти – беру на карандаш. Что у нас дальше по программе?

– Десерт. Если не врут, – изготовившись со светочем⁹, Николай зачем-то дважды стукнул по отражателю, – там обычно сладкое подают. Будем, как говорится, пробовать. Прошу за мной.

Молодой человек нагнулся и первым преступил границу мрачных недр. Он придержал нависающий край и, когда подопечные минули угрозу, возглавил группу, продолжив под шуршащую поступь:

– Пятнадцать лет как никого, мы с парнями считали. Вроде немного, зато руднику досыта хватило. Скажешь разве, что здесь столько людей трудилось? Всё им не годится, всё нерентабельно! Устарел, мол, ваш закрытый способ – подавайте инновации! Было производство, теперь – пещера пещерой.

– Эх, такую страну потеряли... да?! Что там про закрытый способ-то? Это когда не видит никто? – Маша мало следила за поучительным монологом, всё её внимание сосредоточилось на том, как бы не споткнуться и не подвернуть ногу.

– Почти. Закрытый – значит под землёй: штольни, штреки¹⁰, стволы¹¹... Не спорю, пусть немного дороже. А о технике, о людях подумали? Опасно? Заброшенные тонны над головой – и ничего. Тысячи, миллионы тонн! – впечатлённая аудитория разом запрокинула подбородки. – Потратили ведь уже и деньги, и силы... Одно оборудование чего стоит! Ладно железки, а персонал?! Обучали, связи налаживали, логистику... Ради чего всё?

Докладчик так увлёкся рассказом, что совершенно позабыл о нерадивых ученицах. Точно ретранслятор в пустой комнатухе, голос его остался единственным источником звука на много метров вокруг. И пока Коля декларировал пустоту, прогульщицы взялись за своё: Маша застыла в проходе, тогда как Кира, прижавшись к трубам у стены, позировала на камеру.

– Иду, сам с собой разговариваю... Сказали бы, что вам неинтересно.

– Почему же сам с собой? Слышимость отменная. Раз-раз, приём?! – «Приём, приём» разнеслось на десятки метров по пустому тоннелю. – Нам теперь хоть с докладом выступай. Правда, Маш?

– Ещё бы! Только чем тебе карьеры-то не угодили? Вон мама работает и тьфу-тьфу-тьфу. Говорит, налаживается всё: и зарплата, и производство.

– Знаю я их «наладку»: побольше тротила да дело с концом. Деревьев – нуль, животные без дома. Какая тут экология? Дырка вам от бублика... вернее, кратер вместо природы. Где, опять-таки, наработки испытывать? «Тишь» у нас была про подземелья, а не карьеры. Представь, как удобно – возникла идея, здесь же её и проверили. Хотя бы в этой штольне!

Укутанный лучистым светом тоннель и размахом, и пепельно-холодной иллюминацией взаправду напоминал потайную лабораторию или закрытый полигон. Остатки коммуникаций по сторонам отбрасывали бессчётные продолговатые тени, под которыми то тут, то там зеленели медные окислы. Бугристые стены сходились полукруглым сводом, а сам путь на многие метры вперёд, вопреки смелейшим из ожиданий, оказался в известной степени проходимым, даже приятным: утрамбованный грунт на прешироком основании, высокие потолки, а главное – везде и всюду над головой металлическая сетка для пущей безопасности.

⁹ Светоч – большая свеча, факел; в данном случае подразумевается фонарь.

¹⁰ Штрек – горная выработка, не имеющая выхода на земную поверхность.

¹¹ Ствол – вертикальная или наклонная выработка, которая имеет выход на земную поверхность и предназначена для вскрытия месторождений и обслуживания работ.

Экспедиция минула немногочисленные доски, редкий мусор и даже рука об руку, ускорила под уклон, пока, наконец, не выдохлась у массивной каменной перегородки. Явившись из ниоткуда, она с филигранной точностью делила бывшее единоначалие на два прохода: левый, не в пример предшественнику, устремлялся вверх; правый же пологой дугой ниспадал в тень крутого поворота.

Ребята осмотрелись. Жёсткий свет кратно множил и рельеф, и объём выработки, отчего пространство кругом виделось без меры искривлённым и причудливо гипертрофированным. Мнимый простор давил полутонами серого и коричневого цветов; смешиваясь, перетекая с места на место, скудная палитра вековала своей собственной, лишь ей ведомой жизнью. Куда ни взгляни – рубленые грани озорливо косились на пришельцев самыми что ни на есть человеческими лицами. Рудник то улыбался, то хмурился, то удивлённо вопрошал непоседливому лучу, но сейчас же выпячивал навстречу очередную разухабистую пядь. Прислушайся внимательнее, стены наверняка бы отозвались вслух, впрочем, хватило послания под длинной белой стрелкой: «кле*вой ствол».

– Жутковатое местечко. Пока идёшь – вроде ничего, а присмотреться, особенно если одна останешься... Аж мурашки по телу! Всё какие-то рожицы, звуки странные, – Кира встреपнулась, – вдобавок надписи! Угораздит тут в здравом уме каллиграфией заниматься? «Клеевой» ствол – ну говорю же, здесь кто угодно с ума сойдёт!

– Клетевой, – Николай поднял фонарик кверху так, что получилась отличная имитация настоящей люстры. – Просто краска осыпалась. По сути, клеть – это лифт, только на клетку похож: без излишеств, но тем не менее. Двигается эта поделка по стволу, поэтому и выходит – клетевой ствол. Правда, смотреть там не на что – всё распилили. Зато...

Яркий луч качнулся вальяжным маятником и, склонившись к правой стороне, остановился на ещё более обветшалом указателе.

– Что ещё за «ль*ь»? – В полном недоумении Маша постаралась найти хоть какие-то подсказки. Всё тщетно. Время навсегда лишило смысла некогда столь важное обозначение, которое не поленились вывести по трафарету, да ещё много выше человеческого роста. – В голову-то, признаться, ничего не идёт.

– Вот и мы объяснения не придумали. Может, старались плохо... Чего уж там, – юноша взмахнул рукой, приглашая гостей следом, – протирайте линзы, наводите на резкость!

Мимо тарабарщины, дальше под горку и за поворот, ответвление всё сильнее отличалось от прежней штольни. Металлическая сетка дыбилась с потолка вроде изорванной штормами парусины, блёклый свод повсеместно зеленел витиеватыми подтёками, а после в вышине явилась очаровательная искра. Первенец хвастался серебряным бочком, переливался, притягивая взгляд, но не успел обвыкнуться, как поодаль очнулось не менее изумительное светило. Скоро решительно всё, от пола и выше, покрылось миллионом сияющих звёзд – кристаллы инея окончательно облекли интерьер в настоящую зимнюю сказку.

– Коль, а Коль, далеко ещё до льда? – Маша чихнула клубком густого пара и невольно поджала бледные губы.

– Ну ничего себе! Посторонись, улитки! – Обогнав провожатого, что не вставил и слова, Кира рванула вперёд, где через мгновение, в луче света, как по лунной тропке, заскользила по глади катка. – Смотрите, как умею! – на манер конькобежца она изобразила несколько длинных толчков. – Без лезвий, без страховки, только сегодня и только сейчас – уникальное представление! Айда за мной!

Под руку, чтобы не оступиться, ребята засеменили навстречу увлечённой фигуристке. В центре грота¹² троица переглянулась, облегчённо выдохнула и, блаженно улыбаясь, стала

¹² Грот – небольшое углубление, имеющее широкий вход.

изумляться каждому потайному уголку или причудливому выступу, каждой симметричной снежинке или изящной сосульке над головой.

– Красота какая! Ну невероятно же, просто невероятно! Да это... это...

– Ага, Кирюш, тоже слов подобрать не можешь? Магия, фантастика! А тем более здесь, у нас, а не где-то за тридевять земель! Никогда бы не подумала; чудо какое-то!

Стерильное, кипенно-белое пространство в горе и правда поражало воображение: кристальная чистота, бесконечные преломления – казалось, ярко-голубая гладь не только отражает свет, но и излучает его из глубины.

– ...и правда магия! Ну вообще!

– А для чего это ответвление, если всё равно ничем не заканчивается? Силы, что ли, некуда девать? – Маша оставила компанию и, отойдя поодаль, туда, где тоннель сужался наподобие вафельного рожка, приложила ладонь к стене; лёд ожог нежную кожу, выступил холодными каплями и скатился на предплечье девушки.

Настенная живопись ожила струйками пара, после чего отпечаток пятерни замер вечным барельефом на продрогшем грунте. Слева выступал непокорённый ни Николаем, ни иными страждущими кабель.

– Одно из двух: или меди не нашли, или достроить не успели. Планов-то было громадье. А получилось... как получилось. Я тоже думал, в кино поедом – где мы в итоге?

– Так, хватит нудеть! Ну-ка, снимите меня, – вытянувшись во весь рост, Кира подпирала неохватный, подтаявший нарост, что, будто хрустальная люстра, свисал над дальней частью мёрзлого тупика. – Ай, мокрый какой! Давайте, пока меня не придавило.

– Попрошу, – Коля встал рядом, разделив опасения подруги напополам. – Двоих-то, по идее, не должно? Товарищ Шрайбикус¹³, присоединяйтесь!

– Не шурьтесь там! Хочу, чтобы вы глазами улыбнулись. Ещё раз: глазами, не губами, – Маша сдавленно хихикнула. После полумрака залитый буквально хирургическим светом пятёнок не оставлял и шанса её просьбе. – Во-от, замечательно! – протянула она и рассмеялась пуще прежнего: уморительные фотографии оценил бы лишь любящий родитель. – Успею я к вам?

Оператор примостила телефон на выступ, цокнула по экрану и под разливистое эхо мерных гудков на всех парах припустила навстречу хохочущей паре:

– Лови её, Коль! Лови, пока не улизнула!

Юноша притянул горе-беглянку за талию, очутившись меж двух прекрасных особ. Кира кокетливо запрокинула ножку, Маша уткнулась в плечо спасителя – белоснежные локоны нестерпимо щекотали его шею, – а таймер всё звонче отсчитывал секунды до снимка: три, два, один – щелчок... Вместе с яркой вспышкой всё сущее на свете подпрыгнуло, перевернулось и погасло.

¹³ Шрайбикус – вымышленный персонаж, репортёр, которого всегда изображают с фотоаппаратом через плечо.

Глава IV. Дрожь земли

Вторая площадка рудного комбината отдыхала от постояльцев. Бухгалтерия во главе с Анастасией Ивановной, отдел кадров и даже высшее руководство как по линейке выстроились у запylённых окон заводоуправления.

Дух захватывает! Лес до горизонта, а среди бушующей массы, точно островки в океане, красавец-город да бесcчётные голубые озёра. Присмотришься по верхушкам: тут тебе и силуэт дороги, и русло реки, и плешка первого, заброшенного предприятия – всё как на ладони. Только дело ли собравшимся до прекрасных далей? Сегодня каждый взирал исключительно себе под нос – на огромную конусообразную воронку в земле. Вглубь от нулевой отметки её окружность исполосовывала тончайшая спираль укатанного съезда, который отчего-то пригнулся и пустовал в истомном ожидании. В отсутствие людей и техники, без ориентиров для сравнения, карьер представлялся поистине циклопическим слэбом¹⁴, а толпа наблюдателей – спецгруппой подсчёта годовых колец.

Впрочем, рекорда не случилось, потому как ажиотаж пришёлся к чести буровзрывных работ. Казалось бы, ежемесячная процедура, можно сказать, рутинная, но какая радость для сотрудников: сколько раз ни смотришь – восхищаешься как в первый!

Подготовка завершена, даже ответственные на безопасном расстоянии.

– Без пяти, вернее, без четырёх. Скоро ка-а-ак... – худенький зевака выпустил весь воздух из груди, предвосхищая масштабы шоу.

Анастасия Ивановна протёрла стекло, тяжело вздохнула, и какофония звуков переполнила забитый коридор. Кто-то потянулся за телефоном, кто-то неистово дышал на очки, а кто-то так потрудился вытянуться поверх голов, что проскрипел туфлями целую мелодию. Один из мужчин – уж до чего прозорлив! – загодя открыл рот: тот самый заводила при часах отнюдь не задыхался – он заранее обезопасил уши от ударной волны.

Никакого хлопка – часть карьера разом и вдруг устремилась ввысь миллионом крохотных песчинок. Рамы задрожали, стёкла пустились в пляс, и только теперь раздался оглушительной силы взрыв. Зрители ахнули. Сотни метров грунта, взвившись облаком непроглядной серой массы, заволокли и город, и лес, и даже небосвод.

¹⁴ Слэб – цельная плита из натурального камня или дерева.

Глава V. Попробуй её разбери

Липкая, вязкая пелена заволокла всё вокруг. Что-то билось, с ужасным треском лопаюсь над головой, обжигало щёки и губы. Вездесущая пыль так густо лепила глаза, что носа не разберёшь. Ко всему прочему лёд в ногах хрустнул, пошёл ходуном, а когда верх совсем попутался с низом, стало совершенно нечем дышать. Последняя толика утраченной реальности зиждилась исключительно на чувстве локтя, возможности ухватиться за соседа и лишь тем не свалиться навзничь.

– Что это?.. Мы... Мы умираем? – ужасный кашель в клочья изорвал без того неузнаваемый голос. – Мамочки, ну скажите хоть что-то! Нет, нет, нет...

– На пол! Ложись! Да ляг ты, кому говорю, – Коля навалился на паникёршу, а после и сам устроился поблизости. – Через ткань дышите. Через ткань! – голос его охрип, притупился и до поры до времени стих.

Маша тоже ринулась вниз, но не успела обрадоваться переключке, как что-то неподъёмное с силой плюхнулось сверху, сдавило грудную клетку, накрепко пригвоздило к полу.

– Дышать не могу! Кто там?.. Встаньте! Да встань же, а то раздавишь, – прежде чем вышло оправиться, чья-то пятерня ударила её по затылку, прошла по спине, а после схватила за плечо.

Секунды растянулись минутами, а минуты – целыми часами. Всё вокруг замедлилось, звуки притихли, тогда как мысли, напротив, роились с невиданной доселе скоростью. Точно всю жизнь готовилась к этому моменту, Маша уткнулась в ладони, вжалась в лёд и попыталась было натянуть платье до носа, как что-то мягкое коснулось её щеки.

– Рюкзак! – Освободившись от ноши, юноша подsunул соседке его поролоновую спинку. – Давай вместе, как через респиратор!

Темнота «угукнула», и впервые после потрясения ребята перевели дух. Кто бы подумал, что в нужде даже тряпичный лоскут может стать если не тихой гаванью, то хотя бы безветренным пристанищем? И накрахмаленный воротник, и поношенный куль ни до, ни после не слышали большей похвалы.

Сердца неистовствовали, кровь била в виски, однако очень скоро грохот унялся, шум заметно стих, а мелкая дрожь и колыхания грунта совсем исчезли. Впрочем, добровольца разведать обстановку не сыскалось. Троица так бы и лежала, без веры в происходящее, зато в безопасности, если бы не дикий холод. Мало приятного распластаться на льду в лёгком одеянии! Но ещё меньше удовольствия окунуться в растопленную собой лужу.

Первым вымокло платье. Затаив дыхание, Маша осторожно скомкала краешек рюкзака, медленно, чтобы не раскрыть носа, повела головой и только теперь решила осмотреться. Сперва туман, затем размытый силуэт возле неё, а после... острая резь и, вымывая сор, ручьи слёз хлынули по щекам. Солоноватые капли коснулись губ, побежали ниже, но даже сейчас девчушка не бросила попыток прийти в себя. Она различила свет, очередной раз утёрлась и сквозь боль обнаружила, что смутная фигура возле совсем не Коля – он очутился на другом крае «противогаза», – а Кира. «Ледяная принцесса» по-пластунски прижалась к полу и, с головой укутавшись в рубашку, влачась из стороны в сторону и чертыхаясь, почти доползла до остальных.

Фонарь неведомым образом очутился у входа в грот и, устремлённый в сторону лежащих, полно освещал масштабы происшествия. Отныне не замёрзшее чудо – лунный пейзаж или африканская пустыня – точнейшее из описаний былого убранства. Серая, коричневая и даже зелёная пыль укрыла всё вокруг и до сих пор так густо роилась в воздухе, что стягивала кожу и безжалостно драла горло. Гладь под подошвой разошлась паутиной острозубых трещин,

лишь внушительная сосулька на потолке, что по нелепой случайности удержалась на месте, напоминала: хочешь верь, хочешь нет – это то же самое место.

– Вы как? – Горькая тишина в ответ. – Кира, мы всё, приехали. Ты куда? – И снова мёртвое безмолвие, только Коля закашлялся в рюкзак. – Как же я теперь в мокром? Такое красивое было... Мама расстроится. Ребята, туфля... Туфлю не видели? Без неё все ноги истопчу.

На четвереньках, прямо через подругу, Маша отчего-то направилась не к выходу, а наоборот – в мрачные, пугающие недра. Кругом темень, голова, как колокол, и в глазах двоится – где же тут пропажу разыскивать? Благо первые ссадины да мужской голос резонно обуздали явную напраслину:

– Ты это брось, слышишь? Не время сейчас, – Николай всё ещё заливисто и натужно перхал¹⁵. – Выбираться нужно. – Юноша встал на колени и с какой-то стати полез в рюкзак.

– Куда я без обуви-то? Как дома покажусь? – Необъятное возмущение ни с того ни с сего сменилось несколько растерянным, зато куда более рассудительным суждением: – Нет, это-то ладно. Слава богу, целы... Но как без обуви-то? Правда же никуда не дойду.

– Ещё как дойдёшь! Главное, фонарь цел, – парень искоса пригляделся к источнику света. – Молодцы они там в Поднебесной – не развалился! Нам теперь что? Считаю, пыль осядет, и на выход. Раз обещал, держи-ка, – раздался позабытый скрип, и из основного отделения показались резиновые сапоги. – Как чувствовал, прихватил. Выходит, не зря.

Пространный диалог оборвался резким, без меры грубым окриком:

– Чувствовал он! Если такой чувствительный, на кой чёрт нас сюда повёл?! Пыль осядет, пыль осядет! – поскользнувшись, Кира вскочила во весь рост и вне себя от ярости дразнила неповинного, в общем-то, мальчишку. – А китайцы какие молодцы... Оглянись! Ну же! Шею заклинило? Дождаться, пока нас заживо засыплет?! Без меня, ребята, без меня. Дорога одна – не заблудишься!

– Ты чего?.. Он прав – не хватало ещё голову разбить. Мы даже не знаем, что случилось!

– А то тебе непонятно?! Ну посиди, подумай. Лично я ни секунды здесь не проведу! Чтоб ещё раз кого-то послушать... Да ни в жизнь!

– Стой, куда ты?! Там же ничего не видно! Маш, хоть ты ей скажи!

Увещевания не возымели эффекта. Опираясь о стену, бубня что-то себе под нос, Кира хмыкнула, развернулась и в гордом одиночестве скрылась за поворотом.

– Счастливо оставаться! Я лучше у машины подожду, – прокатилось зычным эхом из жерла уходящего вверх тоннеля.

Пыль осела, а ребята застыли на месте от выходки подруги. Маша смотрела на Колю, а он отчего-то как никогда пристально изучал ладони.

– Молодец ты с сапогами. Правда молодец, – девушка первая не снесла томительного молчания. – А её не слушай – перенервничал человек. С кем не бывает? Я вон тоже хороша: сдалась мне эта туфля? Растерялась! – Маша покосилась на разбитую пару. – Давай сюда этих красавцев. – Она примерила огромные, сорок пятого размера, веллингтоны¹⁶ из задубевшей резины. Что уж говорить о носках, если скромное, в общем-то, голенище достало ей едва ли не по колено? – Нет, так дело не пойдёт. Лабораторная-то у тебя с собой?

Юноша, пусть и не внял сути просьбы, без лишних расспросов поделился хрустящим, выглаженным файлом. Слюда разошлась, и свету кивнула пачка удивительно белых листов. Вводную часть придумщица скомкала плотными шарами, чтобы заполнить пустоты в обновке, заключение же, к удивлению автора, ушло на импровизированные бумажные портянки.

– Жалко? – Николай молча помотал головой. – Правильно, я тебе ещё распечатаю, – манекенщица обулась и, взирая сверху, подивилась собственной смекалке: – Другое дело! А

¹⁵ Перхать – покашливать, кашлять от ощущения щекотания или раздражения в горле.

¹⁶ Веллингтоны – резиновые сапоги без застёжки.

может, права она? Нечего у моря погоды ждать, да и пока далеко не убежала... Натворит ведь беды, нам потом мучайся.

– Мучайся не мучайся, а головой тоже надо соображать – не всё же шапку на ней носить! Лёд видишь? – Коля огляделся. – Вернее, помнишь? Так вот, сдаётся мне, что только из-за него нас каменюкой и не огрело: он здесь вроде панциря, понимаешь? Кто знает, как оно там дальше...

Упрямец отряхнулся, накинул рюкзак, а когда поднял фонарь, то лихорадочно захлопал по карманам:

– Цел, родименький, я думал – всё!.. Твой-то телефон где? – И гаджет, и его последнее пристанище точно сквозь землю провалились. – А ты идти собралась. Нужно забрать – мало ли что.

Ребята по памяти сыскали место пропажи и стали разгребать пыль и сор, скопившиеся за время катаклизма. Вездесущая грязь чернила ногти, липла к ладоням, а главное, упорно и наотрез отказывалась вернуть чужое имущество.

– И не таких находили... Не испарился же он! – успокаивал Николай.

– Ой, прекрати. За фотографии обидно, а вообще, есть вещи и поважнее, – Маша превралась. – Как думаешь, нас правда засыпало? – продолжила она вкрадчиво и будто между прочим.

– Раз уж мы разговариваем, очевидно, не засыпало. Но да, скорее всего, это обвал. Как, почему... – Парень внезапно просветлел. – Говорил же, никуда он не денется!

Ко всеобщему удивлению, устройство не разбилось и вполне исправно функционировало. Силиконовый чехол истрепался, благо не слетел и смягчил последствия удара, камера дожидалась команды к съёмке, и на запylённом экране – к слову, совершенно целом – по-прежнему отображалось всё, куда бы она ни посмотрела. Вот мелькнул истоптанный пол, затем кусочек платья, а после в кадре поселился заслуженный поисковик. Краешком футболки Коля обтёр испарину на лбу, стряхнул перепачканные ладони, после чего подытожил:

– Вроде всё. Идём?

– Да, только... – Гаджет задумался, но через мгновение, откликнувшись на касания, подмигнул вспышкой на тыльной стороне. – Теперь точно готова! – Привычная, казалось бы, мелочь стала ярким «приветом» столь далёкой и одновременно близкой цивилизации. – Как там наша «пропажа», интересно?

– Если повезло, то машину караулит; может, даже попутную. Попробуй её разбери, вдруг совсем разобиделась?

Маша подпрыгнула на месте и, распрощавшись с пыльным облачком, шагнула к выходу:

– Шутишь? Какая «попутка», когда нас «Снежная королева» зажала?!

Глава VI. Векторное сложение

Порода, дружелюбно лоснящаяся в свете, без должного внимания напрочь отбилась от рук. Истязательница кололась, стирала подушечки на пальцах и безжалостно обжигала кожу. Не всякий лиходей сподобится на соразмерные издевательства! Но хуже всего ощущалась подвластность: отойти от стены означало совершенно потеряться в крошечной темноте.

«Раз, два, три...» – подальше от размышлений, Кира вслух пересчитывала шаги и без конца запинаясь о камни, что глухо разлетались по сторонам. Осколки бессильно щёлкали, шипели и шуршали, но не сдюжили остановить ритмичную, донельзя упрямую поступь. «Одиннадцать, двенадцать... – Штольня не унималась даже за спиной взволнованного ходока. – Пару минут перетерпеть, а там оглянуться не успею, как выйду! Восемнадцать, девятнадцать...» Рубашку с силой рвануло назад, так что девчушка еле устояла на ногах. Ужасный треск сдавил барабанные перепонки и втиснул просторный рудник в размер крошечной кладовой комнатёнки.

«Кто здесь?!» – Кира бешено рассекала воздух, надеясь выхватить нечто из темноты. Животный страх овладел сознанием, и даже логичный вопрос – что, собственно, делать, сцапай она «неведомое»? – до поры до времени отошёл на второй план. Драчунья и не заметила, как сбилось её дыхание, только руки отчего-то всё реже колотили пустоту, а скоро и вовсе налились неподъёмным свинцом.

«Нужно поскорее убираться», – решила она, вымотавшись совершенно и без остатка. Да где теперь найти твёрдую опору? Словно ребёнок, что заигрался в «Слепую курицу», отшельница мучительно долго блуждала в пустоте, спотыкалась и превозмогала, прежде чем снова вжалась в объятия прохладной тверди.

Былые достижения забылись от страха, а потому маршевый аккомпанемент стартовал с нуля. Бойкий счёт продолжался аж до второго десятка! Отчего так мало? Аккурат к чёртовой дюжине «счетоводку» посетила логичная, в общем-то, мысль: «Вдруг стены перепутались... Как разобраться, куда идти?» Утешало одно – куда ни двинься, всё равно попадёшь на свет: в худшем случае к догоняющим, а в лучшем – на свежий воздух, туда, где и дышится легче, и на голову ничто не приземлится.

Кира не изменила направления, зато сполна оценила Колины слова – отсель идея повременить со спешкой виделась не такой уж отвратительной и глупой. Более того, чем сильнее острые грани впивались в новенькие кроссовки, чем назойливее саднила едкая грязь, тем глупее она себя ощущала: «А допустим, я всё же возвращаюсь?» До безоговорочной капитуляции не хватало самой малости; «малость», точно из ниоткуда, выросла непроходимой каменной глыбой посреди прохода.

Тем временем позади скрупулёзная пара – мобильный телефон и фонарик – беспристрастно обнажала последствия обвала. Широкая штольня, пологий подъём, даже ржавая металлическая сетка под сводом сохранили форму, но донельзя изменили содержание. Камушки, почти неразличимые в пыли ледяного грота, мужали и шаг за шагом крупнели. Плетенье над головой напряглось, благо не сорвалось; к чести проектировщиков, местами оно сдержало удивительно крупные обломки. Наконец проход – ещё недавно пригодный к вольностям – отныне требовал внимания и чудом не походил на заковыристый лабиринт.

– Как ты там сказала: «пропажа»? – Фонарик сфокусировался на затейливом орнаменте под ногами. – Считай, что нашли – никуда она теперь не денется.

Как первый снег пестрит следами прохожих, так грязное покрывало зияло тёмными оттисками Кириных подошв. Николай обернулся. Сейчас он заметил, что позади ребят в шахматном порядке взбирались три ровнёхонькие строчки. Впереди же, почти вплотную к левой стене, тянулась лишь одна еле заметная дорожка. Монотонно-однообразная, она бы наверняка

вывела на свет, как в одночасье спуталась, вроде «кругов на полях», под торчащим из стены металлическим прутком. Охра надёжно припрятала опасность, и если бы не кусочек тряпки на конце – махом останешься без бока.

– Странно. Зачем ей плясать-то приспичило? – Маша попыталась вторить движениям подруги, но ничего не уразумела: – И флагштока этого, вроде, не было. Мы бы запомнили... – она дотронулась изорванной материи. – Может, Кира повесила, чтобы мы не поцарапались?

– Ага. Как, по-твоему, она этот штырь заметила? Остановилась, повязала какую-то тряпку... Брось. Тут скорее сами спросим, чем догадаемся.

Витиеватые узоры задали совершенно иной тип следов. Сразу за загадочным «клубком» вместо пунктира, точно дорожная разметка, раскинулась пара непрерывных линий. Сплошные вытянулись на расстоянии ладони и, никуда не сворачивая, устремились за серо-зелёный булыжник посреди прохода. Сплошь в металлических вкраплениях, находка более всего напоминала неприличных размеров драгоценность, нежели бой или преграду. Однако, и чем ближе – тем вернее, приглядев на первый взгляд милость внушала по-настоящему серьёзные опасения. «Что же это за силища такая, раз металл, как нитку?.. Вдребезги!» – прошептал Коля и заглянул в кратер под «астероидом».

– Какого?! – мужская пятерня с лёгкостью укрылась в утрамбованном приямке. – Хорошо, не по голове!

Помимо искрящейся глыбы добрые две трети прохода загоразживала сеть: оборванную и придавленную с края, различить её можно было лишь в упор. Тем удивительнее смотрелась вереница следов, что огибала заслон с единственно приотворённой стороны – слева, аккуратно меж камнем и стеной.

– И валунице-то нашей женщине-кошке не помеха, – в смысле, темноты не боится, спеси не отнять, – даже не свернула! Напрямки, как шла, так и... – Маша многозначительно разрезала воздух. – Чутьё, не иначе!

– Ладно нагнетать. – Юноша поднатужился и, как полагается образчику сильного пола, схватился с камнем: намерился было сдвинуть, пошатал, даже пнул ногой. Оппонент не подвёл. Напротив, оправдал самые смелые ожидания – не шелохнулся ни на миллиметр. – Повезло ей. Шла по стеночке, вот тебе и всё чутьё. – Николай выпрямился и потянулся в спине. – А про кошку – это точно. Кинула, убежала... бдит уже, наверное, возле машины, нас дожидается. Жаль ключи не прихватила – выдохлась, поди, столько стоять.

– И я ещё нагнетаю?! Обсудили же: не кинула – панике поддалась. Так, знаешь, с плеча да горяча далеко можно зайти – не великого ума дело.

Ребята двинулись вдоль проложенной тропки.

– Хоть бы и далеко. Друг, он ведь в беде познаётся, верно? То-то и оно. Выходит, познали...

– Ох, как! Крепко, ничего не скажешь, – Маша необычайно посерьёзнела, задумалась, а после продолжила так спокойно и рассудительно, будто толковала ребёнку, а не взрослому парню: – Логика-то твоя никому шанса не оставляет. Буквально ни единому человеку! Кто не ошибался? За двадцать лет случая не вспомнишь? Да не поверю! – На стене заворонились¹⁷ знакомые коммуникации. – Жизнь, она вообще... сегодня струсил, завтра – герой, и наоборот. Считаю, векторное сложение, как в физике – шаг назад, два вперёд. Посмотрел, куда человек движется – скажем, результирующую – пожалуйста, делай вывод. Но не второпях, не на эмоциях! Сам видишь, ситуация из ряда вон. Как к ней подготовиться?

Вспышка мобильного в упор потупилась на трубы у стены. Не в силах испепелить ржавчину или порадовать хорошими новостями, она, словно от стыда, упёрлась в пол. Докладчица взглянула на экран, покосилась на свод и сухо подытожила:

¹⁷ Заворониться – покрыться воронью, тёмным туском или блеском разных оттенков.

– Мы здесь фотографировались, помнишь? Ты ещё вперёд убежал! Тут Кира сидела, тут я... Да точно тебе говорю! Странно, что света нет.

Коля увеличил фотографию. И правда: тот же барельеф, зеленоватый подтёк, даже куцее бревно в углу, и то лежало на месте. Недоставало малости – из виду пропало еле заметное пятнышко света. Выбеленный на кадре выступ отныне ничем не отличался от фона: угловатый камушек, да и только.

– Вспышку, думаю, можно выключить – осталось-то, судя по всему... одна нога здесь, другая там, – Коля было ухмыльнулся, но до того фальшиво и натянуто, что смутил и себя, и спутницу заодно. – Невелика беда этот отсвет – он и раньше, признаться, в глаза не бросался. Мало ли снаружи дождь или тучами заволокло? Вдруг снимок такой: рука дёрнулась, песчинка, да что угодно. Давай, хватайся, – он вытянул ладонь, – а то споткнёшься, опять меня завиноватят.

Нога в ногу и метр за метром, ещё осторожнее, чем прежде, парочка засеменила вслед фонарному лучу. Монотонное движение, прежде благоволившее диалогу, изменило себе – отныне разглагольствовало не столько вовне, сколько в глубину. Когда ещё, как не теперь, обратиться к собственному «я»? Задумавшись о тучах, о том, взаправду ли они сгрудились так густо и не промокла ли Кира, Маша припомнила звенящей чистоты небосвод и как причудливо в нём заходятся первые, легчайшие, совсем невесомые облака.

– Смотри, пап, ну смотри. Па-а-п! Плавда на медведя похоже?

– Плавда, плавда, – родители улыбнулись. – Ну-ка, повтори: «правда». Как делает тигр? «Р-р-р»!

– Л-л-л, л-л-л! А тепель на ящелицу. На ящелицу, как у бабули.

Отец поднял кроху, подвинулся к окну, и теперь уже вся семья залились звонким, беспечным смехом. Мимо плыли деревья, путевые столбы, редкие домишки и только голубая высь, сплошь в белых пёрышках, казалась совершенно неподвластна мерному перестуку колёс. Впереди ждало незакатное лето, избушка под раскидистым тополем и давно позабытый, какой сыщется лишь на задворках памяти, аромат домашних пирожков.

Что-то шаркнуло, и ребята застыли на месте.

– Тоже слышал, или мне мерещится? – прошептала Маша, очнувшись от грёз.

Коля кивнул. Осторожно, чтобы не издать лишнего звука, он коснулся губ кончиком указательного пальца и чуть не выдал себя: глубокие алые нити трещин нестерпимо жгли сухую, серую от пыли кожу. Тишина давила, обволакивала, и даже яркий луч несколько померк под её гнётом. Убежать? Да разве двинешься, если сердце оледенело от напряжения? Растянувшееся, мучительное ничто и ничего более... как вдруг раздался всхлип. Короткий и отрывистый, звук разлетелся лёгким эхо, так что при всём желании не вышло бы списать его на происки фантазии. Пантомима под куполом бессчётных тонн ожила, импровизированный софит вздрогнул, и мощный поток света разорвал навалившуюся со всех сторон темноту. Вместо пятачка у ног рьяное пятнышко изо всех сил устремилось к выходу из штольни; напыжилось, разрослось и разогналось, да переусердствовало: запнувшись о какую-то безделицу, пролетело пару метров, чертыхнулось и ударилось лбом о каменную стену – только расплескавшийся кружок и остался.

– Вот тебе и раз... – Мозг отказался верить глазам и судорожно искал разрешения конфуза. Тетрахорд¹⁸ шагов стремглав ринулся к основанию преграды. Сейчас и фонарик, и вновь заискрившаяся вспышка телефона жаждали одного: нащупать проём или углубление – словом, хоть что-то походящее на брешь. – Должно же... не может не быть... Ты ищи с одного края, я с другого, – распорядившись, Коля что есть мочи рванул к правой стороне.

Как пристально ни рыскали лучи: вдоль, поперёк, наискосок или зигзагом – всё тщетно. Ни с пяти, ни даже с трёх метров стена валунов не оставляла и шанса на успех. «Сколько вы провисели?! – внешне равнодушный, парень сокрушался всем естеством, без усталости и остатка. – Годы, десятилетия? И надо же именно сегодня вам... Ладно бы не до конца!.. Нравится?!» – он шаркнул ногой, и подвернувшийся обломок враз отправился на randevу к ненавистой баррикаде. Камушек взвился, зашипел, а когда срикошетил – скрылся за гладким, точно столешница, пластом породы.

– Кира! – испуганный сорванец угодил аккуратно под запуганное, заплаканное тельце. – Ты чего?... Коля, она тут.

Внушительный массив – никак не меньше тонны, что чудом устоял на ребре, – играючи укрыл беглянку от посторонних глаз.

– Ты, подруга, нашла где усесться. Давай, потихонечку... вот так. Умница, умница; сейчас у стеночки отдохнём.

Взволнованный голос, две хрупкие фигурки в обнимку, несметная гора на пути – пазл сложился. Как бы кто ни надеялся или бодрился, сколько бы мусора ни перепинал, случившееся не выдашь за галлюцинацию или сон. Суровой реальностью оказался заброшенный за городом рудник, заваленная штольня и равнодушная к страданиям твердь.

Кира сжалась в клубок. Обхватив рваные джинсы, она не слышала ни звука и лишь сильнее солонила некогда нарядное, воздушное платьице под щекой. Дрожали не только губы, но и каждая клеточка, каждая фибра – вибрировало всё её живое существо. Маша обняла подругу крепче, да вместо материи дотронулась до обнажённой кожи: рубашка несчастной не просто разошлась – на левом боку недоставало целого лоскута.

¹⁸ Тетрахорд – звуковой ряд из четырёх ступеней.

Глава VII. Такт и ещё раз такт!

– Простите! – Кира задыхалась от досады и горечи. – Я сама не знаю... Правда не знаю! – каждое слово давалось ей с трудом. – Так вышло. Ну... ну... Не могу больше. Даже дышать тяжело, – принятие, куда более чувственное, нежели осознанное, пронзило её до глубины души. Грудь сбивчиво вздымалась, а огромные глаза, чудом из чудес, вместили воды всех морей.

– Ты чего? Слышишь? Не за что нам тебя прощать. Честно-пречестно, – Маша едва не угодила в плен эмоций. – Ничего страшного не случилось: мы вместе, целёхоньки – зачем убиваться? Тушью вон перепачкалась... – Девчушки на пару избавились от чёрных подтёков. – Выберемся – там твой принц с лукошком ошивается – полное, полное грибов! – места себе не находит. А тут, здравствуйте, рёва рваный бок! – Улыбнувшись подруге, горе-визажистка вытерла перепачканную руку. – Сейчас приходим в себя и выбираемся; всё у нас хорошо, всё по плану.

– Какие ещё грибы весной?! – Кира хихикнула сквозь слёзы. – Предупреждала ведь, это местечко кого угодно до ручки доведёт. Теперь – дожили! – грибы, лукошки...

– Ой, значит, лютики, фиалки, хочешь – капуста заячья. Устроите романтическую прогулку во имя освобождения. Мы с Колей, так и быть, в машине подождём. – Подружки взглянули на задумчивого-отстранённого «гида». – Глянь на него: стоит, смущается. По глазам видно, уже какую-то лазейку нашёл! Воспитание перебивать не велит, угадала?

Коля с трудом воздержался от ремарок. Он кашлянул в кулак, в очередной раз осмотрел стену и только тогда ответил:

– Почти. Соображения какие: если бы всё было чересчур серьёзно – мы бы здесь не общались, это раз. До выхода всего ничего, это два. По логике вещей, нужно разбирать всю эту «радость». В крайнем случае вызовем спасателей, это, на всякий пожарный, три.

Не успел мыслитель развернуть план, как стенания притихли, и объятия лишь изредка лепетали глухими всхлипами. Редкие, совсем неприметные, они как ничто другое отзывались в рваной ране вековой тверди – глубокий пролом каменного свода, будто зубастая пасть, пережёвывал, множил и без устали огрызался всяким донёсшимся звуком. Мало препираний – именно разнузданный горлопан обозвал штольню штреком, а теперь знай себе любовался чужими мучениями: кто-то вдохнёт – чудится залиvistый гогот, шепчешься – передразнивает так, что слова не вставить!

– Издеваешься? Это ничего, проходит! – взбунтовался Николай.

Про себя он отметил, что неприступный обвал, пусть отдалённо, но походил на лестницу. Да, без маршей, и да, вне норм. Одни округлые валуны – ступени, иные – причудливые перила. Надуманно? Тем не менее что-то внутри него щёлкнуло.

– Куда это ты? – Маша заметила движение и не осталась в стороне.

– В «монтажники-высотники», слышала у классика? Наверх хочу залезть. Посвети-ка!

Юноша отдал фонарь и ловко запрыгнул на плоский камень. Затем, как с трамплина, взял следующий, что, хотя и выглядел крупнее, дался играючи и без напрасного сопротивления.

– Прямо тетрис: кирпичик за кирпичиком. Давай, чуть левее, – скалолаз осмотрелся, примерился и отчаянно ринулся на свет. Ухватился за выступ, подтянулся, а после широким шагом достал до подходящего плато у зияющей над головой выбоины. – Вот теперь и посмейся мне...

– Мы же как рыбы! Камень, что ли, по макушке попал? – Маша повела лучом.

– Да не вам я. У нас здесь мальчишеский междусобойчик, если хочешь.

Обломки всех мастей и размеров, какие подвернулись под руку, застрекотали по полу. Резвые малыши крутились, подпрыгивали и отлетали так далеко, что тени не различишь. Тяже-

ловесы же, напротив, натужно кряхтели, высекали искры, поднимали тучную пыль, зато и на полшага не удалялись от завала.

– Ну, а на верхотуру обязательно карабкаться? – Каменная дробь выбила из Киры остатки растерянности. – Разбирали бы себе снизу и разбирали.

– Ага. Только что шире: основание или вершина? – Очередной «переселенец» шлёпнулся вверх тормашками. – Вот и я думаю, одно дело – пару камней отворотить – там, глядишь, и лаз найдётся – или целую гору перетаскать. Нет, если силы с лихвой... – Коля натужился и стих.

– Помочь тебе? – чтобы хоть как-то пособить другу, Маша поднялась на цыпочки и задрала фонарь над головой.

– Было бы чем. Отойдите-ка на всякий случай!

Работы приняли серьёзнейший характер. Пока наблюдатели смиренно вскинули подбородки, руководитель проекта – он же единственный рабочий – набрал полную грудь воздуха и крепко сжал вольнолюбца напротив. Кусок породы размером с футбольный мяч, словно венами рассечённый бледно-зелёными жилами, свылся на новом месте, – сколько ни пыхти, сколько ни сился, всё тщетно. Злосчастный булыжник издевательски вздрогнул, но не сместился ни на миллиметр.

– Поупрямься мне ещё!

Натруженные мышцы со свистом изгнали уже не кислород, а скопившийся в груди углекислый газ.

– Опять не нам?! – Кира присоединилась к подруге. Теперь сразу две взволнованные фигуры следили за работой третьей под потолком.

– Снова, – Николай смахнул испарину со лба, – снова не вам.

И поскольку грубая сила капитулировала перед природой, настало время обратиться к тактике. Отныне «силач» не столько поднимал, сколько покачивал препону из стороны в сторону. С края на край, шажок за шажком – лежебока наконец двинулся с насиженного места. Вскоре механизм отлачился, и несносное мучение обернулось занятой игрой – за каждым пятью рывками следовал короткий отдых, когда все гадали, сколько же ещё «подходов» камень удержит шаткое равновесие.

Впрочем, тяжесть и не думала сдаваться. Ни раньше, ни в обозримой перспективе не сыскалось и намёка на скорую катастрофу. Она, как заведено, случилась превнезапнейшим образом: вместо того чтобы скатиться стороной, гранёная каверза обрушилась аккурат на грудь кантователю. Подружки единогласно охнули, Коля пошатнулся, но вовремя сцепил пальцы, а потому отделался испугом да исцарапанным предплечьем. Но мало удержать – предстояло ещё развернуть трёхпудовый камень на крохотном пятачке!

Мышцы, от ног до самой шеи, окостенели, мысли замерли, а стоило тронуться – ситуация сейчас же вышла из-под контроля. Валун под ногами дрогнул, скособочился и опрокинулся бы навзничь, благо удалось сориентироваться – вовремя изловчившись, парень осилил направить глыбу мимо ног и лишь чудом избежал падения.

Булыжник исполнил пируэт, с досадой стукнул «приземлённого» сородича и так напыжился, что тут же раскололся на несколько частей. Зрители выдохнули, а каскадёр, точно ничего и не случилось, заглянул в нишу.

– Ну, что там? Есть проход? – Кира трепетала. В поисках лучшего ракурса она вскарабкалась на высоченный пригорок.

– Кто его знает. Не видно ничего. – В отвоёванные крохи размером с ужимистую, вдобавок ко всему глухую нишу, точно подселили чёрную дыру. – На ощупь нет, а там... – Коля без усталости пылил в углублении. – Нам бы, конечно, расшириться.

Он навалился справа от пустоты. Плоский, как речная ракушка, камень оказался куда сговорчивее предшественника. Сперва двинулся на добрую дюжину сантиметров, после – сто-

ило пощекотать крепкий бочок – попятился к краю, затем покосился, скрипнул и без сантиментов растворился в темноте.

Дробь осколков засемила по полу. Встревоженные падением, ввысь взвились крохотные, невесомые частички. Секунда – и плечистый силуэт поперхнулся едким, удушающим облаком; ещё одна – вовсе исчез за песчаной кавалькадой. Буйный вихрь навалился на яркий луч. Что за радость – вырваться из забытья и назло судьбе блеснуть в разбитном, залихватском танце! Крупинки взлетали, размеренно планировали, а после... непременно меркли.

Феерия выдалась настолько броской, что скоро решительно все празднующие выбились из сил: степенно вращаясь, отпускали поклоны, трогательно рассыпались перед благодарным зрителем да расходились восвояси. Шелест смолк. Воздух кругом оздоровел, а фонарик вновь восстановился в правах.

Николай подтянулся выше, чтобы полно оценить обстановку у постылой преграды:

– Глухо, как в танке. – Раздался тяжёлый вздох. – Хотя там и люк, и триплекс¹⁹, а у нас сплошь мрак – больше и ухватиться не за что.

Где-то глубже, где-то ближе, на всём протяжении уступа рука обязательно упиралась в камень. Разочарованием закончилась и попытка протиснуться по плечо – вместо лазейки там обнаружился очередной недвижимый реликт. Более того, ни справа, ни слева от «антресоли» не сыскалось ничего сговорчивого. Сколько ни сился – только ногти обломаешь, а руднику сплошное развлечение.

– Ну и что теперь делать? Есть идеи? – Кира спрыгнула с постамента и чуть не потеряла равновесие.

Последние новости одолели её жутким головокружением, даже болью в желудке. Впрочем – и этого нельзя не отметить, – ловкачка избежала истерики, вполне конструктивно рассуждая:

– Давайте всё-таки снизу начнём? Хотя бы попробуем! Вдруг что-нибудь расшатается... Глядишь камушек за камушком, и пойдёт дело?

Николай склонился над «камушком» вдвое больше предыдущей добычи – остальные кандидаты были ещё крупнее, – напрягся что есть мочи и стих. В состязании человека с природой восстановился паритет.

– Один – один, – рассудила Маша и сейчас же выступила с экстравагантным предложением: – Если не получается тянуть, можно давить: чем-нибудь тяжёлым, как тараном или рычагом, – она покосилась через плечо. – Нам бы палку какую-нибудь или лучше лом. Один конец наверх, другой у нас; как хрястнуть с размаха! – мелодичный голосок в раз опустился жестоким, беспощадным рыком. – Мигом бы прояснилось, кто главный! На худой конец соседнюю каменюку подденем. Кир, поддержи фонарь.

Как ни старались мародёры в части «уборки» помещений от ценного, не прибитого или здесь же не зацементированного, вооружиться жердью при желании не составляло особенного труда. Кто позарится на запылённые, кривущие деревяшки, тем более что сбыть «добычу» получится лишь в печи или на пионерском костре? И пока ребята боролись с завалом по старинке, Маша, давно привыкшая к вспышке, как никогда тщательно изучала окружающую местность.

Сразу подумалось о фото, главным образом о коммуникациях в кадре. Полтора или два метра трубы – весомый аргумент в споре с охамевшим рудником. Напрасные надежды! Чёрствый металл, проверенный временем и пытками вандалов, не спиленный и не сломленный, так закалился в боях, что шутя снёс очередное испытание. Тяни, выламывай, даже прыгай... За годы наедине кронштейны, хомуты и скобы прикипели крепче иной семейной пары: тяжёлым

¹⁹ Триплекс – многослойное стекло, применяется в качестве защиты смотровых устройств.

инструментом не разберёшь! Ржавчина осыпается, вой стоит, скрип жуткий, а из результатов – ладони в патине да с полкило рыжей присыпки на многострадальном платице.

Расхитительница насупилась и опустила глаза. В тени труб, по правую руку и впритык к стене, мелькнуло забытое в сутолоке нечто – столь тривиальное, сколько же элегантно, точно само собой разумеющееся решение. «Как я сразу не припомнила!» – Маша подпрыгнула на месте и разве что не стукнула себя по лбу от радости. Осучкованный до макушки ствол, никак не меньше двадцати сантиметров в обхвате, соответствовал её строжайшим запросам. Бревно сплошь изошло витиеватыми глубокими трещинами, упругая кора одряхла и осыпалась, однако масштаб «рычага» одним своим видом гарантировал успех предприятия.

На радостный возглас подросла Кира:

– Ну и дрынище ты нашла... – от удивления у неё пересохло в горле. – Как мы его донесём, по-твоему? Здесь кран нужен или лошадь запрягать.

– Не донесём, значит волоком, а нет – будем катить. Давай-ка из угла его... Ага, хорошо! Теперь другую сторону...

Девушки минимум с десятков раз смирили длину могучей находки. Они даже утоптали погожую тропинку вдоль её края, пока, наконец, не вышли на оперативный простор – огромное бревно застыло по центру тоннеля. Что дальше? Опыт подсказывал единственно верную стратегию: половину нагрузки – себе, а половину, чтобы не надорваться, – руднику. Подруги взялись за узкий конец «рычага».

Натужились на счёт три: худенький торец оторвался от земли, задрался выше, потом ещё... Меж тем ровнёхонький ствол уже изобразил невиданной силы лук, а комель и не думал отрываться от земли. Тягловые замерли – натужный хруст прокатился по тоннелю. Только на уровне груди, когда грезилось швырнуть опротивевшую деревяшку об пол, дело двинулось с мёртвой точки. Скрежет, как по зубам, руки жжёт, зато какое воодушевление!

– Упор нашла какой-нибудь? Сучок или зазубрину? – Кира кивнула. – Тогда начали? И-и-и... Раз! Отлично, ещё! – громко и без стеснения, будто занималась этим всю жизнь, командовала Маша. – Сейчас в ритм войдём, и полегче будет. И-и-и... Давай! – девчушки двинулись на крохотный шаг.

Впоследствии команда так ловко орудовала негабаритом, что успевала не просто шагнуть, но даже пройти под устный счёт. Ритмичное движение буквально вторило волнам: присев, труженицы набирались сил, после рывком устремлялись вперёд и вверх, тогда же, насколько возможно далеко, перебирали ногами.

– Извини, я случайно! – засбоив, Кира оттоптала напарнице пятку.

Сапог натужно скрипнул и наполовину сполз с худенькой лодыжки. Из-за жёсткого голенца показалась покрасневшая, порядком стёртая кожа.

– Бывает, – Маша будто не заметила никакой натёртости. Она даже не остановилась: тихонько ойкнула от неожиданности, встряхнула ногой и, топнув, прямо на ходу исправила положение. – На месте и ладно. Главное, что? Чтобы всё вышло, а остальное приложится.

– А если нет?

– Даже не рассматриваем. Ты глянь, какая махина! – Бревно довольно подпрыгнуло. – Такой-то нашу горку не осилить!.. Не с первой – со второй, с третьей попытки всё равно своё возьмём. Потихонечку, помаленечку... Нам лазик-то нужен: сантиметров сорок, пусть пятьдесят. Считай, одна каменюка!

Приободрённые внушением, девчушки не заметили, как добрались до места назначения. Уверенность и напор не возымели эффекта лишь на слушателя под потолком. Молчаливый соглядатай отнюдь не разуверился в счастливой звезде – очевидно, логика и инженерное мышление не жаловали ложных иллюзий, как и не нуждались в поддержке извне.

– На худой конец, – напомнил Коля, – у нас есть МЧС. А у них и техника, и оборудование специальное. Как ни крути, надолго здесь не задержимся. Подавайте!

Он присел. Подружки изрядно натужились и с горем пополам сосватали опостылевшую ношу. Одним концом деревяшка упёрлась в пол, а другим, стёртым до блеска, встала в нишу. Ребята ладно выдохнули – гора с плеч!

– Почему сразу не позвонить? Роемся тут как кроты. Нет, даже как муравьи в муравейнике: ходы, тяжести!.. Все руки исцарапала.

Для пушего эффекта Кира смахнула редкую кору и дотронулась до предплечья: ничего серьёзного, разве что лёгкое покраснение. Она подула на опрелость, и гримаса вселенского страдания исказила прежде спокойное личико:

– Щиплется-то как!

– А когда решат, что всё это из-за нас или что мы специально? А уверяю тебя, так и будет – докажи потом, что ты не виноват. Повезёт, если штрафом отделаемся! Да и кто его оплатит? Я вот, например, на машину потратился, мне тем более деньги нужны. Давайте-ка сперва сами... вдруг обойдётся? Крайние меры всегда успеются.

– Чушь она и есть чушь! Мы всего лишь фотографировались!

– Хоть бы и так, – Николай многозначительно цыкнул. – Знаем об этом только ты, я и Маша. Надпись у входа видели? «Проход воспрещён!» – чем не нарушение?

Подруги молча внимали всё более строгому, нетерпеливому монологу:

– Сперва спасатели – может, даже со скорой, раз у тебя «щиплется»! – а потом полиция; без неё никак. Набирать? Пока будем ждать, ещё сфотографируемся, чего время зря терять... Или в города поиграем.

Кира вмиг позабыла о «травме» и даже не моргала. Бездонное озеро её глаз разблестелось, налилось, словно грозovým ливнем, обидой и вновь вышло из берегов крохотными, искрящимися капельками.

Парень взглянул на Машу, но та лишь тихонько постучала по лбу и вскинула ладонь, мол, ох и «умён» же ты, человек, ох и «умён»! После она как нельзя доходчивее кивнула на подругу и не отступала упрямым взором, пока, наконец, Коля не заговорил:

– И чего тут? Чуть перегнул – по команде обижаться? Ладно тебе! Просто хотел сказать, что нужно самим попробовать, чтобы людей не тревожить. Не получится – сразу звоним. Идёт? Тоже мне, повод нашли...

Смутившись, Абрамов отвернулся к завалу и бегло продолжил о насущном:

– Я сейчас приподниму макушку, прицельюсь – нужно только расщелину пошире найти! – а вы по сигналу навалитесь на ствол. Вставим поглубже, потом раскачаем. Готовы?

Вопрос скомкался, съёжился, крепко оледенел в горле. Бревно качнулось и, в отместку хаму, что есть сил впилося ему в ключицу.

– Давай! – надрывный шёпот не пролетел и трёх метров.

Балансирующая на манер весов деревяшка проявила себя на удивление покладистым, даже приятным инструментом: с лёгкостью взмыла вверх – даром что пуще прежнего сгорбила опору, – проворно извернулась и через мгновение скрылась по намеченному адресу.

Троица без промедления наваливалась сперва в одну, затем в другую сторону. Амплитуда росла, шаги частили, команда слаженно раскачивала рычаг. Уже и сип, и скрип, и треск кругом, а заграждение всё не думало сдаваться. Спасибо потугам: испарина на лбу да стёртые ладони – иного не жди. «Всё, всё, погодите!» – донеслось из ложи. Край ствола шлёпнулся об пол и упруго разогнулся... Ладно бы мимо! Пришибленный ударом, вслед за бревном отправился и сконфуженный командир.

– Нормально, всё нормально, – Николай спешно оправдался за нелепое падение. – Главное, совсем не выскочило. А снизу даже лучше, даже удобнее. У меня там размах совсем никакой; зато теперь пойдёт, посторонись-ка.

Фонарик окрашивал пространство мягкими, светлыми мазками. Не то от усталости, не то от напряжения, но изготавливались молча, едва слышно перебирая ногами, отряхивая ладони.

Да и как руководить, когда на доброй четверти лица удивительно ярко отпечатался древесный узор, притом с сучком посередине щеки? И хотя дивились решительно все: кто полётом, кто отметиной или происшествием, – лишь Маша позаботилась вполголоса:

– Сильно больно?

– До свадьбы заживёт.

Парень как ни в чём не бывало размялся, встряхнул плечами и пристроился у распластавшегося торца.

– Тогда чего тянуть-то, ребяташки, айда взялись?! Да за ногами смотрите. Стяните сапог – я удара точно не переживу. Такт и ещё раз такт! Поехали...

Громоздкий маятник всколыхнулся со свежими силами. Неспешное, предусмотрительное движение доросло до ритмичных взмахов, вскоре даже спёртый воздух не поспевал за размашистыми, агрессивными колебаниями. Ребята, скоординированные попервой, уже не столько давили, сколько бегали – кто налегая, кто попевая – за орудием. Каменные стены, тоннели, целый рудник, казалось, задыхаются без солнечного света. Отдельные звуки выродились оглушительной симфонией гула и треска, свиста и обрывков слов, что утробным рычанием аккомпанировали неравной борьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.